

Древности Кубани

Древности Кубани

(декабрь)

**Материалы посвящены памяти
Каминского Владимира Николаевича**

**Краснодар
1997**

Составители:

Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., Винидиктов А.П.

Очередной сборник научных материалов посвящен памяти одного из известных археологов Кубани Каминскому Владимиру Николаевичу.

Печатается по решению Ученого Совета Краснодарского государственного историко — археологического музея — заповедника.

Компьютерная верстка: Винидиктова А.П.

© Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., Винидиктов А.П.

Прошло пять лет после гибели В.Н. Каминского. Многие стали забывать, стираться в памяти, но его работы, исследования, труды они всегда напоминают о нем. Прожив недолгую жизнь, он ушел из нее, оставив большое наследие своего потенциала, творческих исканий.

Родился Владимир Николаевич в 1957, на Украине, но вместе с родными переезжает в Саврополь в небольшой поселок Курджиново. Здесь в школе, благодаря учителю истории Е.И. Миловапову, он знакомится с археологией. Жизнь приобретает смысл, с этого момента все подчиняется только этой науке. После армии, учеба в Кубанском университете, работа в Краснодарском краеведческом музее. Поступив на работу в музей лаборантом постепенно шаг за шагом Владимир Николаевич поднимается до ведущего сотрудника. Карьере было отдано все, но иначе было нельзя. Только труд, только работоспособность, только терпение могли принести результаты. Многочисленные экспедиции, разведки, конференции, статьи, публикации - все это давало возможность научного творчества, поиска, решения многих проблем. Владимир Николаевич, занимаясь историей алан Северного Кавказа, обращался и к теме ранних кочевников, увлекался майкопской и северокавказской культурами, бережно обращался с этнографическим материалом народов Северо-Западного Кавказа. Любая тема, вовлекая его, затронута была всегда глубоко и серьезно. Это было связано с тем обширным диапазоном в хронологии археологических памятников, с которыми приходилось сталкиваться при ведении раскопок. Долгий творческий поиск ученого выливается в огромный труд - диссертацию на тему: "Вооружение племен аланской культуры Северного Кавказа I-XIII вв.". К тому времени это была большая исследовательская работа под почти неизученной темой в истории Северо-Западного Кавказа. Она затрагивала многие вопросы раннего железного века и средневекового периода. Изыскательская работа Владимира Николаевича значительно пополнила фонды музеев г. Краснодара и Ставрополя, а его исследованные археологические памятники (Первомайское городище, Староконсурский могильник, курганные группы Закубанья, городище Куньша) много внесли нового в историю Северного Кавказа.

СПИСОК РАБОТ В. Н. КАМИНСКОГО

1. Импортные вещи из могильника VIII—IX вв. близ ст. Старокорсунской Краснодарского края. — ТДК «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». М., 1981.
2. Новые памятники аланской культуры Северо-Западного Кавказа. -ТД XII КЧ, М., 1982.
3. О конструкции лука и стрел северокавказских аланов. - КСИА, 1982, вып. 170.

4. Лук и стрелы на раннесредневековом Северо-Западном Кавказе. - ВАА. Майкоп, 1983.
5. Работы Краснодарского музея-заповедника. - АО за 1981 г. М., 1983.
6. Деревянные ковши из могильников VIII-IX вв. Северо-Западного Кавказа. - ВАА. Майкоп, 1984.
7. Новые находки импортной посуды в Закубанье. - ТДК «Проблемы истории и археологии Восточного Крыма». Керчь. 1984.
8. Раннесредневековые аланские катакомбы на Средней Кубани. Сб.: Вопросы археологии и этнографии Осетии. Орджоникидзе, 1984.
9. Раскопки курганов в ст. Михайловской на реке Чамлык. - Материалы к научно-практическому семинару археологов. Краснодар, 1984 (в соавт.).
10. Скальные могильники бассейна реки Большой Лабы и их этническая принадлежность. — ТД XIII КЧ. Майкоп, 1984.
11. Исследование курганов у ст. Михайловской в Закубанье. - АО за 1985 г. М., 1987.
12. Раскопки кургана эпохи бронзы в г. Тимашевске на Кубани. - ТДК «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Баку, 1985.
13. Сарматское погребение у ст. Михайловской (Закубанье). - СА, 1983. № 4. (в соавт.).
14. Военское снаряжение раннесредневековых племен Северо-Западного Кавказа. В сб.: «Культура и быт адыгов», Вып. 6. Майкоп, 1986.
15. Исследование Первомайского городища в долине реки Большой Лабы. - ТД XIV КЧ. Орджоникидзе, 1986. (в соавт.).
16. Сарматские погребения из Тимашевского кургана в степном Прикубанье. - Древности Кубани. Краснодар, 1986.
17. Раскопки Первомайского городища. - АО за 1984 г. М., 1986.
18. Рец. на кн.: Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. — СА, 1988, № 4.
19. Погребальные комплексы из окрестностей г. Краснодара. - СА, 1987, № 2.
20. Алано-болгарский могильник близ ст. Старокорсунской на Кубани. - СА, 1987, № 4.
21. Клинковое оружие у Северо-Кавказских алан. - «Древности Кубани». Краснодар, 1987.
22. Раскопки кургана-кладбища в г. Курганнске в Восточном Закубанье. Там же. (в соавт.).
23. Колчаны для стрел у алан Северного Кавказа (I-XIII вв. н. э.). Краткое содержание докладов научной конференции по итогам научно-исследовательской работы СО НИИ за 1986. Орджоникидзе, 1987.
24. Сарматские погребения в курганах эпохи бронзы у ст. Михайловской. - ТДК «Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС». М., 1987.
25. Сарматы в восточном Закубанье. - АЦВМ. Новочеркасск, 1987.
26. Вооружение племен аланской культуры Северного Кавказа. - ТД XV

КЧ. Махачкала, 1988.

27. Из истории воинского снаряжения на раннесредневековом Северо-Западном Кавказе. - В сб.: «Культура и быт адыгов», Вып. 7. Май-коп, 1988.

28. Исследование курганов в Закубанье. — АО за 1986 г. М., 1988 (в соавт.).

29. Михайловский могильник конца эпохи поздней бронзы в Закубанье.-СА, 1988, № 4 (в соавт.).

30. Находки аланских курганных на средней Кубани. - В сб.: «Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа». Орджоникидзе, 1988. (в соавт.).

31. Раннесредневековый комплекс на горе Гриб в окрестностях пос. Курджиново. - В сб. «Материалы по изучению Ставропольского края», Вып. 15-16.

32. Аланы на Северо-Западном Кавказе. - ТД I КАК. Краснодар, 1989.

33. Работы Восточно-Закубанской экспедиции в 1987 году. - Там же.

34. Снаряжение всадников аланской культуры Северного Кавказа.-ТДК. «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Дон-бассе». Донецк, 1989.

35. Воинские погребения позднекобанского времени из могильника Мостового на Урупе. - СА, 1990, № 1 (в соавт.).

36. Импортные печи из могильника VIII-IX вв. близ станицы Старокорсунской Краснодарского края. - В сб.: Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990.

37. Конская узда у алан Северного Кавказа. — ТД XVI К.Ч. Ставрополь, 1990.

38. Сарматские погребения из Тимашевского кургана в степном Прикубанье. — ДПК. Краснодар, 1990.

39. Об одной группе поселений в бассейне реки Лабы. — ТДК « Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы». Л., 1991.

40. The Northern Caucasus in the Middle Ages. — In: The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia. Tokyo, 1991.

41. Из военной истории алан. — ТД 1 Международной научной конференции «Осетиноведение: история и современность». Владикавказ, 1991.

42. Кольчуга у кочевников Северного Кавказа. — ТДК «Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды». Волгоград. 1992.

43. Вооружение племен аланской культуры Северного Кавказа 1 — — XIII вв. — Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. С.-Петербург, 1992.

44. И.В. Каминская, В.Н. Каминский 1993. Аланы на Кубани // По страницам истории Кубани. Краснодар.

45. И.В. Каминская, В.Н. Каминский. 1995. Об одной группе поселений эпохи бронзы бассейна реки Б. Лабы // Историко-археологический альманах. Армавир-Москва.

46. Берлизов Н.Е., Каминская И.В., Каминский В.Н. 1995. Восточное - Закубанье: Хронология и хронография // Историко-археологический альманах. Армавир-Москва.

47. V.N. Kaminsky. Early medieval weapons in the North Caucasus - a preliminary review. 1996 // Oxford Journal of Arheology. Vol. 15. №1, Marth USA.

48. Каминский В.Н., Каминская И.В. Новые исследования христианских храмов малых форм в Западной Алании. 1996 // Историко-археологический альманах. Армавир-Москва.

49. Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В. Византия и Аланы (новые исследования христианских храмов малых форм IX-XIII вв.) 1997 // Понтийские греки, вып. 3, Краснодар.

50. Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье. 1997 // Историко-археологический альманах. Армавир-Москва.

Составитель И.В. Каминская

Зеркала скифского времени с зооморфными украшениями из старых поступлений Краснодарского музея-заповедника

Три бронзовых зеркала, о которых пойдет речь, уже известны в археологической литературе. Однако, все работы, где они упоминались, не содержат ни полного описания ни подробных рисунков этих предметов. Авторы решили восполнить этот недостаток и заново публикуют зеркала, чтобы специалисты могли получить о них более полное представление.

Описания выполнены с учетом терминологии предложенной Т.М.Кузнецовой специально для описания зеркал скифского времени (11, с.18–30).

Зеркало N 1

Это зеркало было случайно найдено в середине 20-х годов на берегу реки Карасун в черте города Краснодара и по предположению И.Н. и Н.В. Анфимовых происходило из разрушенного погребения (1, с. 55). В настоящее время хранится в фондах КГИАМЗ. Инвентарный номер КМ 2776 / 3024 (рис.1).

Описание. Зеркало бронзовое, цельнолитое имеет круглый диск. Литые по восковой модели. Обе стороны плоские. На тыльной стороне треугольный в сечении бортик. Угол, который образован выступом и диском немного меньше 90°. Гурт гладкий. На тыльной стороне находится центральная ручка в виде двух столбиков, перекрытых фигуркой птицы с распростертыми крыльями (они разведены в стороны, концы их опущены вниз) и головой повернутой вправо. Фигурка передана схематично: глаз обозначен круглым углублением, клюв выделен слабо, верхняя и нижняя половинки клюва разделены неглубокой бороздкой, перья не обозначены, хвостовое оперение чуть-чуть намечено. Лицевая сторона фигурки выпуклая, а обратная плоская. Видовое определение птицы затруднено. Столбики ближе к диску утолщаются. Сечение столбиков овальное. На одном из них заметны наплывы металла — дефект отливки. Поверхность металла покрыта окалиной местами облупившейся, особенно с рабочей стороны. Верхняя часть бортика имеет утраты.

Размеры: диаметр диска — 22,5 см, высота бортика — 1 см, ширина гурта — 1,5 см, общая высота ручки — 8,5 см, фигурка птицы — 7,7 x 6,7 x 1 см, высота столбиков — 7,5 см, диаметры столбиков — от 1,3 до 0,9 см.

Впервые опубликовано в книге Т.Б. Барцевой, где были помещены краткое описание сплава и схематичный рисунок (4, с. 67, рис. 29, 1). Упоминание этого зеркала и рисунок птичьей фигурки можно найти в

двух статьях Е.В. Переводчиковой (17, с. 6; 18, рис. 1, 2). Д.Э. Рощиненко наметил подходы к датировке зеркала. Его доклад был опубликован в тезисах (23, с. 33, 34). И наконец И.Н. и Н.В. Анфимовы в статье посвященной археологическим памятникам г. Краснодара привели новые рисунки зеркала, его краткое описание и информацию о месте его находки и датировали его VI в. до н.э. (1, с.55, рис. 4, 7).

Зеркало N 2

Зеркало хранится в коллекции старых поступлений, но время, место и обстоятельства находки не известны. В дореволюционных каталогах оно не числится. Полностью не издавалось. Хранится в фондах музея под инвентарным номером КП 302/116. В свое время было записано в фонд особо ценных предметов и имеет дополнительный шифр 7Δ (греческая дельта) 46. (рис.2)

Описание. Зеркало бронзовое, цельнолитое в виде круглого диска. Литье по восковой модели. Обе стороны диска плоские. На тыльной стороне имеется трапециевидный в сечении бортик. Угол который образован выступом и диском меньше 90 градусов. Гурт гладкий. Имеется центральная ручка в виде двух столбиков перекрытых трапециевидной бляшкой. Последняя имеет форму свернувшегося хищника (сложившегося пополам), обращенного к зрителю левой стороной. Переданы рельефно уши, большой глаз, плечо, бедро и обе левые лапы. Окончание морды служит одновременно и окончанием хвоста. Выступающие части тела (глаз, плечо и т.д.) имеют округлые углубления в центре. Сечение столбиков круглое. Каналы отверстий для отливки столбиков в форме не совпали и это привело к тому, что верхние части столбиков слегка смещены по отношению к нижним. Видимо форма изготавливалась в два приема. Сначала глиной залили восковую модель диска с нижними частями столбиков, а затем к ней долепили еще влажную форму бляшки с верхними частями столбиков. При этом формы совпали не точно. Поверхность металла покрыта патиной. Сохранность полная

Размеры: диаметр диска — 15,6 см, толщина диска — 0,36 см, высота бортика — 0,25, ширина гурта — 0,6 см, Высота ручки — 2,6 см, фигурка хищника — 2,5 х 2,3 х 0,6 см, высота столбиков — 2,1 и 2 см, диаметры столбиков — от 1 до 0,6 см.

Рисунок бляшки этого зеркала опубликовала Е.В. Переводчикова в статье по характеристике скифского звериного стиля Прикубанья (17, с. 6). Интересные наблюдения по датировке зеркала содержатся в тезисах доклада Д.Э. Рощиненко (23, с. 34).

Зеркало N 3

Об этом зеркале известно, что оно происходит из района города Майкопа, но точное место, время и обстоятельства его находки остались не известны. В дореволюционных каталогах не числится. В настоящее время хранится в фондах Краснодарского музея — заповедника. Имеет инвентарный номер 7Δ (греческая дельта) 928. (рис.3)

Описание. Зеркало имеет круглый диск, обе стороны которого слегка выпуклые. Рабочая сторона не определяется. Гурт слабо выражен. Ручка боковая, ствол прямой в сечении прямоугольный. Конец ствола украшен фигуркой стоящего хищника. Фигурка выполнена в условном стиле. Голова передана схематично: уши изображены одним выступом, морда заужена, глаза, пасть даже не намечены. Шея короткая. Мощные плечи и бедра переданы округлыми выпуклостями. Крупные лапы подчеркнута толсты и заканчиваются овальными утолщениями с клювовидными выступами. Последние, вероятно, обозначают когти. Утолщения оконтурены рельефными валиками. Признаки хвоста отсутствуют. Ручка припаяна к диску. Изначально, зеркало отлито вместе с ручкой, а позднее оно было поломано и подверглось ремонту. Не исключено, что пайка современная. Поверхность фигурки и края диска попорчены коррозией.

Размеры: длина диска вместе с ручкой — 18,2 см, диаметр диска — 9,3 x 8,9 см, толщина диска от 0,4 до 0,2 см, ствол — 6,5 x 1,35 x 0,6 см, фигурка хищника — 3,4 x 2,7 x 1 см.

Рисунок зеркала опубликован в книге К.Ф. Смирнова "Савроматы" (24, рис.81, 4), как пример савроматского влияния на кубанский вариант звериного стиля. Описание зеркала в книге отсутствовало. Позднее этот же рисунок перепубликовал Сулимирский (26, Fig. 36).

Зеркало с птицей не имеет аналогий. Можно лишь назвать близкие изображения по отдельным иконографическим мотивам. Изображения птиц с распростертыми крыльями, концы которых опущены вниз, а головы повернуты в сторону известны на Алтае (3, рис.1, 1,2), в Среднем Поволжье (10, рис.1, 3), на Северном Кавказе (5, кат.№ 40) и в Северном Причерноморье (9, рис. на стр. 99 и 103) и т.п.. Эти изображения имеют широкий хронологический диапазон. По классификации Т.М. Кузнецовой наше зеркало относится к 3 варианту II типа I отдела I класса и датируются VI в. до н.э. (13, с. 36). Однако, Д.Э.Рощиненко видит в изображении птицы иконографические особенности сходные с особенностями геометрического орнамента новочеркасского времени (см. 22, с.128 — 133), что позволило ему отнести это зеркало к началу келермесского времени (23, с. 34). Л.К. Галанина, последняя по времени, исследовательница Келермесского могильника, датирует наиболее ранние курганы серединой VII в. до н.э. (7, с.105; в этой же работе можно найти обзор мнений о хронологии келермесских древностей). Таким образом зеркало с птицей, которую многие считают орлом, может оказаться самым древним в собрании Краснодарского музея — заповедника.

Зеркало с бляшкой в виде свернувшегося хищника имеет аналогию в Келермесском кургане N 2 (раскопки Н.И. Веселовского 1904 г., 15, с. 93). Здесь было найдено зеркало и уздечные бляшки со свернувшимся хищником. Б. Рабинович, первым опубликовавший келермесское зеркало из кургана N 2, датировал целиком курган первой половиной VI в. до н.э. (21, рис. 6). В целом келермесское зеркало сохранилось плохо и его

лучшая репродукция опубликована М.И.Артамоновым (2, таб. 35). Еще Д.Э. Рошиненко предложил датировать краснодарское зеркало временем 2 Келермесского кургана (23, с. 34). Уздечные наборы с бляшками в виде свернувшегося хищника Л.К. Галанина выделила в III группу, которую отнесла ко второй половине VII в. до н.э. (6, с.49). Разумно будет предположить, что келермесское зеркало, как и весь курган N 2 датируется второй половиной VII вв. до н.э. или чуть позже, поскольку в этом же кургане присутствовали и более поздние по времени уздечные наборы (6, с.44, 52). Следует назвать еще одну аналогию — зеркало найденное на южном берегу Краснодарского водохранилища и хранящееся в частной коллекции (19, рис. 4, 1). Отметим, что хищник на зеркале из краснодарского музея отличается большей условностью, чем изображения на двух других зеркалах. По форме, бляшка музейного зеркала ближе к трапеции, а не к кругу. Но имеют ли эти обстоятельства значение для датировки, не ясно. Исследований по изобразительному мотиву "свернувшийся хищник" достаточно много. Последней, по времени, вышла статья Ю.Б. Полидович, где можно найти и библиографию по этой теме (20, с. 63 — 78).

Хищника на зеркале с боковой ручкой К.Ф. Смирнов посчитал медведом и отнес ко времени более раннему, чем IV в. до н.э. (24, с.227,268). Односоставные зеркала с боковой рукой Т.М. Кузнецова относит к V — III вв. до н.э. и не раньше (11, с.13). Но после находки такого зеркала в гробнице N 2 в кургане Репяховатая могила датированном VI в. до н.э. (8, рис. 20, 2) и некоторых других находок, перенесла нижнюю временную границ этих зеркал в VI в. до н.э. (12, с. 38). Краснодарское зеркало учтено ею не было.

Стиль фигурки хищника имеет близость не только к стилю савро-матских изображений но и к стилю изображений на келермесской секире (см. 2, таб. 12), имеется ввиду стоящий хищник, лапы которого заканчиваются стилизованными птичьими головами с мощными клювами.

Е.В. Переводчикова, на основании анализа стиля обкладок келермесской секиры, высказала мнение о промежуточном положении этого стиля между классическим скифским и саккызским (16, с. 23). Следует вспомнить о суждениях М.И. Ростовцева и В.Г. Луконина, считавших, что стиль секиры имеет сильные восточные, в частности, иранские черты (14, с. 33; 25, с. 26). Изображения на секире могли послужить образцом для майкопского зеркала. И вероятнее всего, оно изготовлено на Северном Кавказе.

Предположительно, майкопская находка была изготовлена в VI в. до н.э.. Но этот вывод требует дополнительной аргументации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анфимов И.Н., Анфимов Н.В. Археологические памятники города Краснодара // Кубанский краевед. Вып. 3. Краснодар, 1992.
2. Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. Прага - Ленинград, 1966.

3. Баркова Л.Л. Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая // АСГЭ, N 28, Л., 1987.
4. Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени: Лесостепное Днепропровское Левобережье. М., 1981
5. Галанина Л.К. Курджипский курган. Л., 1980
6. Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы // АСГЭ, N 24, Л., 1983.
7. Галанина Л.К. К проблеме хронологии Келермесских курганов // РА, 1994, N 1.
8. Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
9. Ильинская В.А. Тереножкин А.И. Скифия VII - IV вв. до н.э.. Киев, 1983.
10. Корепанов К.И. О локальных различиях в искусстве "звериного" стиля Среднего Поволжья и Прикамья VII - III вв. до н.э. // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987.
11. Кузнецова Т.М., 1982. Зеркала с боковыми ручками из скифских памятников // КСИА. Вып. 170. 1982.
12. Кузнецова Т.М. Зеркала из скифских памятников VI - III вв. до н.э. (Классификация и хронологическое распределение) // СА, 1987, N 1.
13. Кузнецова Т.М. О терминах для описания зеркал из скифских памятников // СА, 1987, N 2.
14. Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана. Л., 1977.
15. ОАК за 1904 г., М., 1907.
16. Переводчикова Е.В. Келермесская секира и формирование скифского звериного стиля // Проблемы истории античности и средних веков. М., 1979.
17. Переводчикова Е.В. Характеристика предметов скифского звериного стиля // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.
18. Переводчикова Е.В. Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // СА, 1987, N 4.
19. Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Могильник протомеотского времени Казазово 3 и другие находки из чаши Краснодарского водохранилища // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М., 1997.
20. Полидович Ю.Б. О мотиве свернувшегося хищника в скифском "зверином стиле" // РА, 1994, N 4.
21. Рабинович Б. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья // СА, 1936, N 1.
22. Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. Москва, 1985.
23. Рощиненко (Василиненко) Д.Э. Зеркала раннескифского времени с центральными зооморфными ручками из фондов КГИАМЗ // Древности Кубани. Материалы семинара. Краснодар, 1987.
24. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. Москва, 1964.
25. Rostovtzeff M. The Animal Style in the South Russia and China. Prinston, N. J., 1929.
26. Sulimirski I. Sarmatians. N. York - Washington, 1970.

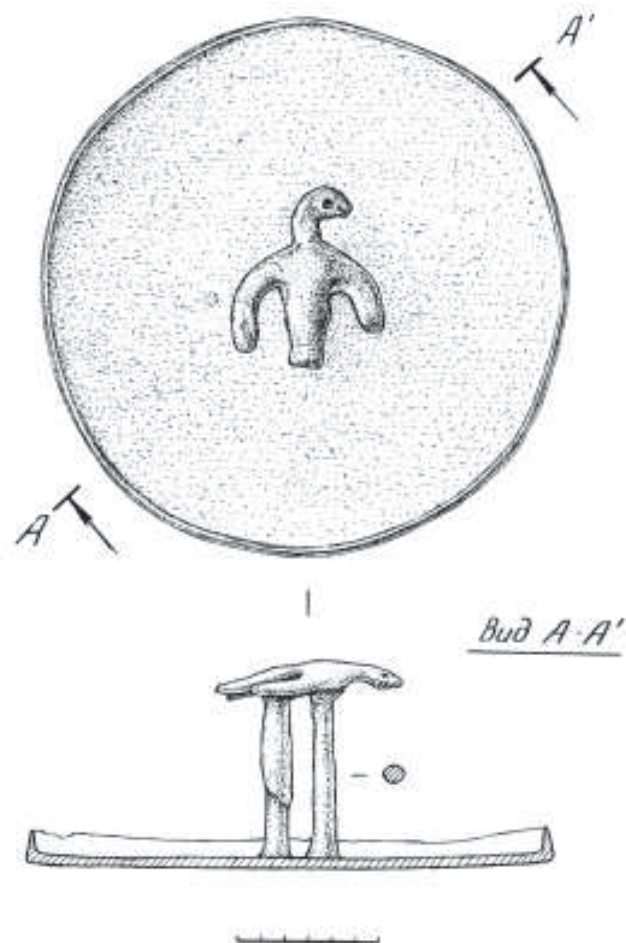

Рис. 1. К статье Пьянкова А.В., Хачатуровой Е.А. Зеркала скифского времени с зооморфными украшениями из старых поступлений Краснодарского музея-заповедника
Зеркало с центральной ручкой в виде двух столбиков, перекрытых бляшкой в форме птицы. Найдено на берегу р. Карасун в г. Краснодаре в середине 20-х годов.

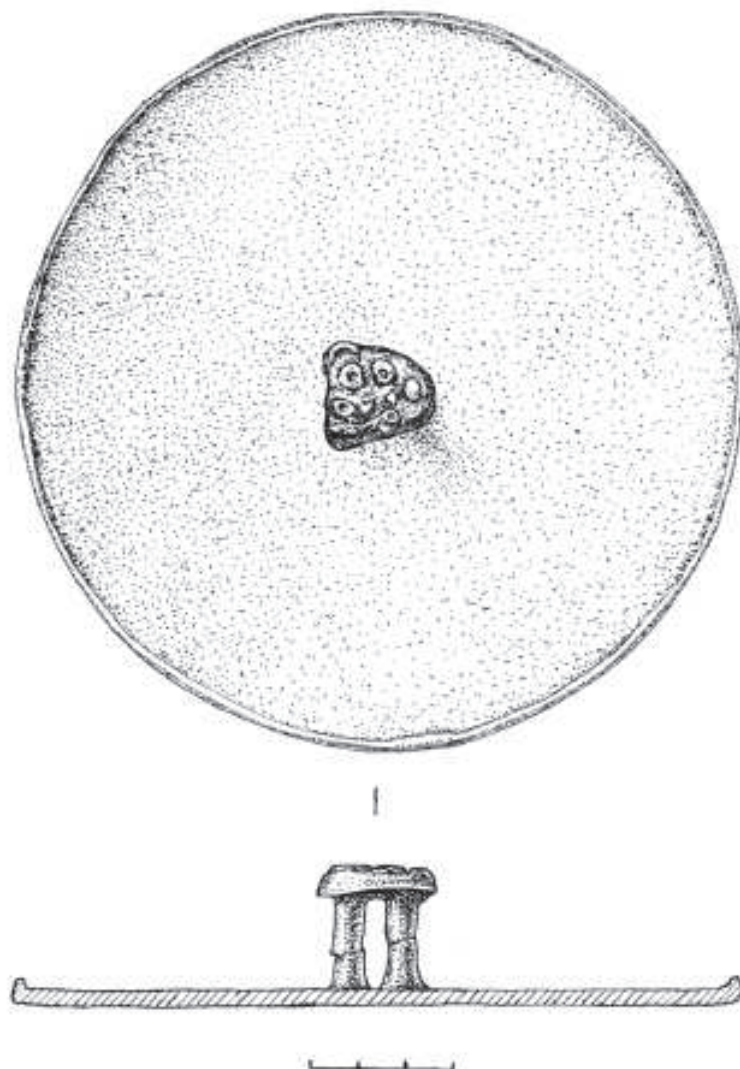

Рис. 2. К статье Пьянкова А.В., Хачатуровой Е.А. Зеркала скифского времени с зооморфными украшениями из старых поступлений Краснодарского музея-заповедника
Зеркало с центральной ручкой в виде двух столбиков, перекрытых зооморфной бляшкой.

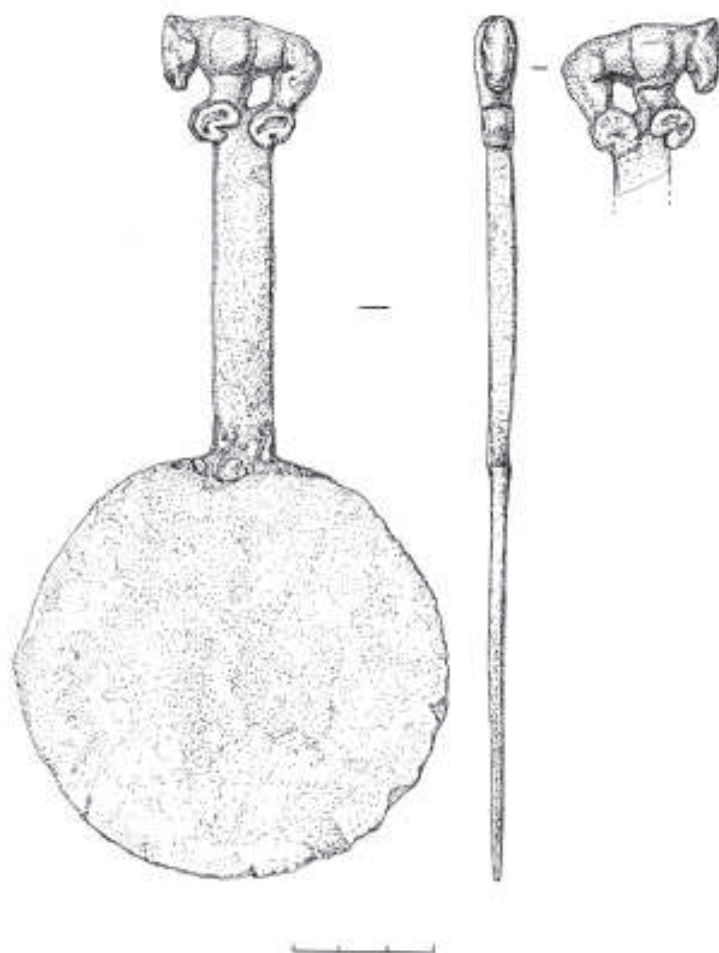

Рис. 1. К статье Пьянкова А.В., Хачатуровой Е.А. Зеркала скифского времени с зооморфными украшениями из старых поступлений Краснодарского музея-заповедника
Зеркало с боковой ручкой, которая украшена зооморфной фигуркой. Найдено в окрестностях г. Майкопа.

Хачатурова Е.А.

Елизаветинское городище N 1: история исследования

На юго — восточной окраине ст.Елизаветинской близ г.Краснодара находится один из древнейших памятников Кубани — Елизаветинское городище N 1. В дубовой роще рядом с восточной окраиной городища, которую местные жители называли "Дубинка". Здесь сохранились остатки курганного некрополя этого древнего меотского укрепленного поселения, а также его оборонительных сооружений — вала. Современные кварталы станицы расположились на территории поселения, на его валах и рвах, заняли площадь грунтового могильника. Незастроенные укрепленные участки поселения в окружении рвов были названы местными жителями Майской горкой, вероятно, в память древних славянских праздников и обычаев. Елизаветинское городище включено в список археологических памятников Кубани.

Оно является памятником республиканского значения и поставлено на государственную охрану.

Елизаветинское городище, как описывает его Н.В. Анфимов, один из его первых исследователей (Анфимов Н.В.,1958,с.37), довольно значительных размеров и было, вероятно, крупным меотским поселением в древности, возникшим в IV в. до н.э. Основная его площадь вытянута вдоль террасы, а со стороны степи была окружена глубоким рвом. В его юго — восточной части расположены два сравнительно небольших укрепленных пункта, один из которых круглой в плане формы, а другой — четырехугольный. Эти укрепления окружены общим рвом, который в древности, возможно, заполнялся водой. От городища в северо — восточном направлении отходят вал и ров, общая протяженность вала около 1,5 км. На востоке он доходит до края террасы, которая в этом месте резко поворачивает к северу и образует излучину. С северной и западной сторон городища располагается грунтовый могильник, а с восточной — курганный.

Городище находится в 18 км. к западу от г. Краснодара на краю пра —

вобережной надпойменной террасы на юго — восточной окраине ст. Ели — заветинской, восточнее, вблизи него, находилось еще одно городище, теперь уже несуществующее и снесенное при строительстве дороги Краснодар — Славянск — на — Кубани. Это городище N2 ст. Елизаветинской, западнее его располагались городища ст. Марьинской. Вместе с ними эти городища составляли западную окраину т.н. "Краснодарской" группы меотских городищ, которую выделил И.С. Каменецкий. Западнее этих городищ цепь меотских укрепленных поселений правобережья Кубани прерывается. Таким образом, эти городища, в том числе и Елизаветинское первое, располагались в некотором смысле в приграничной зоне.

Немалый интерес представляет собой и природная среда местности, на которой был выстроен этот городок, его климат — географический фактор, если можно так сказать. Городища Краснодарской группы, расположенные в среднем течении реки Кубань, были в большинстве своем основаны на островах, образованных старицами реки Кубани — ее многочисленные рукава, образованные петлистым течением реки, которая, неся с собой тонны ила и глины, затем превращала эти петли в русла, подчас не обобщающиеся с новым, пробитом рекой в широкой речной долине. Эти острова были чрезвычайно удобны для заселения, обладая многими преимуществами — пашнями для занятия земледелием, пойменными дубравами — для охоты и добывания строимого

материала, которые имели также и немаловажное оборонное значение. Здесь были прекрасные условия для ловли рыбы, в том числе и ее наиболее ценных пород — осетровых. Острова эти являлись, своего рода естественными крепостями, отгороженными со стороны часто враждебной степи водной преградой, удобны были эти места и для занятия скотоводством, за старицами располагались бескрайние степи — места выпаса скота. Территория, на которой находились эти городища, в т.ч. и Елизаветинское первое, находится в крайне благодатном и с климатической точки зрения месте. Здесь наиболее мягкий климат зимой и летом — теплые зимы и менее знойны и не так засушливы летние сезоны. В отдельные климатические периоды с повышением влажности эти городища окружали большие заболоченные участки, создавая тем самым дополнительные удобства для защиты поселений.

Елизаветинское городище N 1 известно уже более ста лет и имеет длительную историю исследования. Впервые его местонахождение отмечено еще Е.Д. Фелицыным на Археологической карте Кубанской области, опубликованной в 1882 г. в Москве.

В 1912 — 1917 гг. Н.И. Веселовский, петербургский археолог, исследователь многих известнейших памятников Кубанской области, провел раскопки на городище. Он раскопал 1/4 часть укрепленного круглого холма, приняв его за курган. В 1928 — 29 гг. Небольшие разведочные работы на городище были проведены Ю.С. Крушковым. В се —

верной части городища она заложила шурф, где были открыты "неяс —

ного назначения" цементированный пол на основе песка и битой глиняной посуды", значительное количество местной и привозной керамики и небольшой фрагмент мегарской чаши". О находке аналогичной площадки на юго — восточном склоне городища Ю.С. Крушкол упоминает и в отчете за 1929 г. В 1928 г. Ю.С. Крушкол заложила шурф и в юго — западной части городища, находки из которого были тождественны находкам из первого слоя.

Среди первых исследователей Елизаветинского городища был и М.В. Покровский, историк, преподаватель Краснодарского пединститута. Экспедициями М.В. Покровского, в которых участвовал Н.В.Анфимов, его ученик. Городище исследовалось с 1928 по 1934 год. Материалы, полученные в результате раскопок тех лет, хранятся в Краснодарском музее. М.В. Покровский особо выделил Елизаветинское городище среди известных ему меотских городищ, т.к. лишь ему присуща "необычайная насыщенность культурного слоя импортными предметами:

- 1) 143 клейменных ручки амфор III — II вв. до н.э. с клеймами Родоса, Синопы, Фасоса;
- 2) шесть терракотовых статуэток;
- 3) масса обломков чернолаковой посуды;
- 4) свыше 40 пантикапейских монет IV — II вв. до н.э.;
- 5) стеклянные привески с различными изображениями (голова Ме — дузы и др.);
- 6) большое количество бус" (Покровский М.В.,1937,с.17). В 1928 г. М.В. Покровским были обнаружены и расчищены на западной окраине городища две гончарные печи, одна из них с продушным подом, опирающимся на глиняные столбы топочной камеры. В эти же годы Покровский исследовал и западный могильник, где было раскопано 30 погребений. В них были найдены местные керамические сосуды, амфоры, чернолаковая посуда, бронзовые перстни с широкими овальными щитками, на которых выгравированы изображения Аполлона — кифареда, Артемиды с факелами, Геракла с палицей (III — II вв. до н.э.), медные пантикапейские монеты и стеклянные бусы.

Кубанская археологическая экспедиция Музея антропологии и этнографии Академии Наук под руководством В.А. Городцова исследовала городище в 1934 и 1935 гг. Раскопки проходили на западной части городища, на восточной же была "проведена лишь рекогносцировочная траншея". Западная часть городища состояла из двух холмов, один из которых — круглый, копал Н.И. Веселовский. В.А. Городцов, в экспедиции которого работали также М.В. Покровский и Н.В. Анфимов, заложил траншею для определения глубины культурного слоя. Она дала глубину в 5 м. 70 см. Экспедиция пыталась выявить и глубину рва, для этого был заложен шурф, который копался до отметки 3,5 м., но до материка он не был докопан. В.А. Городцов предполагал, что ров имел глубину весенних вод Кубани или еще глубже и в древности был заполнен водой. Раскопки велись на

западной окраине городища, а также вдоль юго – западного крутого берега пойменной долины р. Кубани, где была вскрыта значительная площадь, обнаружены гончарные горны, остатки жилищ, хозяйственных строений, остатки предметов домашнего обихода, амфорные клейменные ручки, несколько пантикапейских монет и фрагменты античной керамики. Одновременно с раскопками поселения В.А. Городцов исследовал грунтовый могильник, где было раскопано 95 погребений. Материалы, собранные экспедицией, хранятся в С – Петербурге, в музее этнографии и антропологии РАН.

В 1952 г. раскопки городища вел В.П. Шилов с экспедицией Института археологии АН СССР. Им ставилась задача: выявить культурный слой на юго – восточной укрепленной части городища. Был также заложен раскоп на западной части городища, где предполагалось найти остатки гончарной печи. В результате был исследован гончарный комплекс из четырех печей. Культурный слой на северо – восточной части городища обнаружен не был.

Восточный курганный могильник, насчитывающий до 30 курганов, и как считают исследователи, являющийся некрополем знати Елизаветинского городища, расположен в дубовой роще, той что называли "Дубинкой". Эта роща существует и в настоящее время на восточной окраине станицы и представляет собой небольшую часть, почти несуществующих теперь, пойменных лесов Кубани. В роще возвышаются два довольно крупных кургана со следами раскопов Н.И.Веселовского. Последний раскопал пять из шести больших курганов. Все они оказались ограбленными в древности, еще тогда, когда бревенчатые крыши погребальных камер не сгнили и грабители могли свободно действовать под землей. Был прослежен погребальный обряд: в материке вырывалась глубокая прямоугольная яма. Над ней сооружался бревенчатый навес на толстых столбах. В яму вел длинный коридор (дромос), также крытый бревнами. В могильной яме сооружался каменный склеп, крытый деревом и содержащий главное погребение. Над всем этим насыпалась земляная насыпь. В больших курганах вместе с главными захоронениями были открыты и одновременные им женские и мужские погребения, вероятно, слуг, рабынь, а также большое число костяков лошадей. В южном кургане было погребено около двухсот коней и более двадцати — в северном кургане. Были найдены погребальные колесницы, а также различные предметы вооружения, украшения, утварь, конская сбруя. Все эти вещи поступили в Эрмитаж, некоторые — в Исторический музей в Москве. Среди наиболее известных — панафинейская амфора конца V в. до н.э. из южного кургана, а также бронзовый нагрудник панциря с головой Медузы из грабительского хода третьего кургана. По мнению Н.В. Анфимова (Анфимов Н.В., 1987, с.128) в Елизаветинских курганах погребены племенные вожди, представители родовой аристократии, которых сопровождали богатый инвентарь, десятки, а иногда, и сотни лошадей и социально зависимые люди. В двух курганах

находились погребения воинов, помещенные за пределами склепов. Они в дорогостоящих панцирях, с мечами. Скорее всего, это дружинники, оруженосцы вождей, зависимые от них. Достаточно много в курганах женских погребений. Положение их вне могильной ямы наравне с лошадьми или в могиле вместе с конскими захоронениями свидетельствуют, что это были служанки, возможно, рабыни. Елизаветинские курганы датируются IV в. до н.э. и непосредственно связаны с Елизаветинским городищем.

Все исследователи, работавшие на городище, выделяют его среди меотских поселений Правобережья Кубани. В.А. Городцов, а вслед за ним М.В. Покровский высказывают мысль, что Елизаветинское городище было колонией Пантикапея (Городцов В.А., 1936, с.183), крупным городским центром, возможно, греческим торговым поселением, эмпорием, колонией Пантикапея или Фаногории (Покровский М.В., 193, с.3—38), где проживали и местные жители — меоты, и греки — торговцы и ремесленники. М.В. Покровский выдвигает версию о локализации древней Гаргазы Диодора на месте Елизаветинского городища.

К вышесказанному следует добавить, что определенный вклад в изучение городища внесли и местные жители, интеллигенция ст. Елизаветинской. Все, случайно найденные при строительных работах или в осыпавшихся слоях террасы предметы, они бережно передавали в местный музей, созданный при школе, где эта коллекция хранится по настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анфимов Н.В., 1953. Древние поселения Прикубанья. Краснодар
2. Анфимов Н.В., 1956. Из прошлого Кубани. Краснодар.
3. Анфимов Н.В., 1972. Курганы рассказывают. Краснодар.
4. Анфимов Н.В., 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар.
5. Анфимова - Ильенко Т.Н., 1968. Античный импорт на территории Среднего Прикубанья в VI - IV вв. до н.э.// Сборник докладов на IX и X всесоюзных археологических конференциях. М
6. Городцов В.А., 1935. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г.// СЭ, вып.3
7. Городцов В.А., 1936. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г.// СА, N 1
8. Каменецкий И.С., 1989. Меоты и другие племена Северо- Западного Кавказа в VII в. до н.э.- III в. н.э.// Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо- сарматское время. М
9. Покровский М.В., 1937. Городища и могильники Среднего Прикубанья// Труды КГПИ, том. VI, вып. 1, Краснодар
10. Покровский М.В., Анфимов Н.В., 1937а. Карта древнейших городищ и могильников Прикубанья// СА, N IV
11. Фелицын Е.Д., 1882. Археологическая карта Кубанской области. М
12. Шилов В.П., 1955. Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам

Берлизов Н.Е./КГИИК/

О ДАТИРОВКЕ "ДЕНИСОВА КУРГАНА" /РАСКОПКИ Н.И.ВЕСЕЛОВСКОГО 1902 г./

В 1901 — 1908 гг. член Императорской археологической комиссии профессор Н.И. Веселовский проводил раскопки огромной курганный цепи между ст. Казанской и Усть — Лабинской, а также в юрте ст. Некрасовской, которую он назвал "Золотым кладбищем" /3; 5, С.69 — 86; 6, С.65 — 85; 7, С.73 — 75; 8, С.91 — 93; 9, С.119/. Курганы дали интереснейшие материалы раннеримского времени, однако из 93 исследованных погребений только 5 не были ограблены. При этом 3 из 5 являются вторичными: они впущены в более древние погребения.

В данной работе мы рассмотрим одно из двух неповрежденных погребений: захоронение в к.15 у ст. Тифлисской из раскопок 1902 г. — так называемом "Денисовом кургане" /6, С.69 — 71/. Согласно тексту отчета Н.И. Веселовского и приведенному им в рукописном варианте отчета схематическому рисунку, это погребение было впущено в насыпь кургана эпохи бронзы и представляло собою огромную катакомбу, у которой входная яма и погребальная камера лежали на одной оси: Восток — Запад. Входная яма полого спускалась ко входу в камеру, размеры ее 4,47 х 2 м. Камера была вытянута с сильно закругленными углами, ее размеры 4,06 х 1,83 х 3 м, вход в нее был заложен стенкой из кирпича — сырца длиной 1,47 и высотой 1,4 м /6, С.71/. Погребенный лежал на спине вытянуто головой на восток. На шее у него была золотая гривна из круглого золотого дрота и две золотые амулетницы /6, рис.141/. У пояса находились золотые пластины, на правой руке золотой браслет, на левой ноге золотая цепочка. В головах находился бронзовый котелок, а в северо — восточном углу камеры — железные удила, пряжки и фрагменты железа. Справа от костяка, против левой локтевой кости руки лежали: бронзовый треножник, таз /6, рис.146/ и трехсливный кувшин типа ойнохой /6, рис.147/. У кисти правой руки находились кинжал, оселок и серебряный кубок /6, рис.143/. Ручки от этого кубка лежали отдельно — у правого бедра /по описанию/ или возле ойнохой и кубка /по схеме Н.И.Веселовского/. Справа от голеней лежала бронзовая литая головка кабана /6, рис.144/, чуть дальше — золотые бляшки, а у стенки камеры в сумочке — мелкие бусы. В районе правой стопы находились кожаный обруч и железный наконечник копья /12, Табл.XXVII,2/.

Слева от погребенного находились железная кольчуга, у кисти левой руки — золотые бусы, вдоль костей левой ноги — золотые бусы со вставками. Под тазом найдена "крупная бусина" и деревянная шишечка. У стенки напротив левой голени /по чертежу/ или у левой стопы /по тексту/ лежали железные наконечники стрел.

Этот комплекс на основании находки итальянских бронзовых таза, ойнохой и котелка Б.А. Раев и А.М. Ждановский отнесли ко второй половине I — первой половине II вв. до н.э. /4а; 10, С.207/. Погребение считается раннеаланским.

Последние исследования в области хронологии итальянского импорта и создание шкалы относительной хронологии катакомб сарматского времени из Прикубанья позволили нам скорректировать и значительно сузить датировку этого погребения, пересмотреть его этническую принадлежность и уточнить условия его складывания. Итак, хронология римского импорта в Европе была разработана в 1953—55 гг. Х.Ю. Эггерсом /13; 14/. В 1970 г. специально для Восточной Европы ее значительно уточнил Р. Воллангевич /20/, а в 1986 г. схему Эггера еще более углубленно уточнил М.Б. Щукин /19, Р.259—269/. С учетом этих разработок, таз из Тифлиса относится к типу 99, а ойнохоя к типу 125 системы Х. Эггера /13, Taf.9, 11/. Изделия этих типов, согласно работам Р. Воллангевича и М.Б. Щукина относятся к периоду B1b европейской хронологии Римского времени или к 40—70 гг. в абсолютных датах /19, 11.4; 20, С.245—246/.

Серебряный кубок с "вильчатыми" ручками находит полные аналогии в комплексах начала — первой половины I в.н.э. из хут. Тузлуки и с.Высочины на Дону /2, Рис.4,2,3; 18,Р1.60,2/, с. Богви в Грузии /1, Табл.ХХVI, 1/, с. Колоколин в Приднестровье /19,il.11.8,3/. Более одолженные аналогии кубку из Тифлисской происходят из ст. Ярославской и из Ольвии /4, Табл.1,7; 16, Р1.78—79/. Исходными формами для рассматриваемого сосуда могут быть малоазийские сосуды II в.до н.э. типа найденного в Артюховском кургане /5а, Арт.106/ и кубки Августовского времени типа канфаров из Сынкрейени в Румынии /15, Р1.43/.

Бронзовый котелок из Тифлисской отнесен Б.А.Раевым к типу "Де-белт" и традиционно датируется II—III вв. /10, С.207; 17, С.628, Taf.11,3/. Однако, аналогичные котелки обнаружены: в Помпеях, погребенных извержением Везувия 24 августа 79 г. /18, il. 19/. Они не могли быть изготовлены за день до катастрофы, начало их производства вполне можно отнести уже ко второй — началу третьей четверти I в.н.э..

Таз, ойнохоя, котелок 40—70 гг. выпуска и кубок 1—50 гг. могли быть собраны воедино и попасть в одну могилу вероятнее всего в течение 40х — начале 50х гг. н.э.. В пользу такой датировки говорит и впускной характер катакомбы из "Денисова кургана": все богатые кубанские погребения второй половины I — II вв. были основными под курганами, в насыпи эпохи бронзы их впускали во II—I вв. до н.э. — начале I в.н.э.. Погребальный обряд, прослеженный в "Денисовом кургане" и других погребениях "Золотого

кладбища" не имеет ничего общего с обрядом, прослеженным в аланских захоронениях V—VIII вв. и протоаланских могильниках Центрального Предкавказья II в. до н.э. — первой половины III в. н.э. Аланы не насыпали курганов, их катакомбы имеют иную — Т-образную — планировку. В них нет или почти нет оружия, золотых украшений, металлической посуды, зато гораздо чаще, чем на Кубани встречается керамика, культовые сосудики. Вместе с тем, погребения "Золотого кладбища" и в том числе катакомба кургана 15 и в деталях обряда, и хронологически смыкаются с массивом подкурганых кубанских захоронений. Последние сейчас безоговорочно считаются памятниками сармат — сираков. И как раз сираки в конце 40 — х гг. I в. н.э. оказались вовлечены в события, благодаря которым на Кубани мог появиться итальянский импорт.

В 46 — 49 гг. на Боспоре вели борьбу два брата: Митридат VIII и Котис /11, XII, 15 — 21/. При этом Котиса поддержал Рим: на Боспоре был высажен десант под командой Дидия Галла, Митридат VIII, мечтавший возродить державу своего великого предка — Митридата Евпатора — был смещен. Когда в 49 г. большая часть десанта во главе с Галлом ушла с Боспора, Митридат VIII попытался восстановить свои позиции. Его поддержали граждане Ольвии и прикубанские племена дандариев и сираков. Власть и жизнь Котиса висели на волоске. Однако, командир оставшейся части десанта — Юлий Аквила — набрал войско из лояльных Риму и Котису граждан и заручился поддержкой донских сармат — аорсов и высадился на Тамани. Он разорил земли дандариев в междуречье Кубани и Протоки, после чего вторгся в земли сираков и взял один из их городов — Успу. После этого сираки предложили перемирие, Митридат VIII бежал к аорсам, а те выдали его Авкиле на почетных условиях. В этой "молниеносной" войне удивляет сравнительная легкость, с которой сираки сложили оружие после падения одной единственной крепости: таких крепостей на р. Кир — пили, вдоль Кубани, в междуречье Кубани и Лабы у них были десятки. Сираки, по свидетельству Страбона выставляли до 20000 воинов /Strabo, XI, V, 8/. Римских легионеров на Боспоре, по словам Тацита, оставалось крайне мало, а поддерживавшие их аорсы были ненадежны: император Клавдий не подверг репрессиям Митридата VIII только из опасения войны с ними. Наконец, по условиям договора у царя сираков Зорсина ничего не было отнято. Все это позволяет предположить, что Юлий Аквила, проведя акцию устрашения, попросту подкупил сираков. Известно, что бронзовые итальянские сервизы служили в качестве дипломатических даров для усмирения варваров. И появление их в "Денисовом кургане" и ряде других богатых захоронений "Золотого кладбища" как раз может быть результатом перемирия с Боспором и Римом в 49 г. В пользу такого предположения говорит большое количество римской бронзовой посуды именно 40 — 70 гг. в курганах между Казанской и Усть — Лабинской. В более ранних погребениях ее почти нет, а в более поздних — еще меньше /в двух курганах — бронзовые котелки/. Таким образом массовый "выплеск" итальянской

металлической посуды в Прикубанье скорее всего можно связать с ка — ким — то одноразовым событием, а датировка этой посуды вполне позво — ляет связать ее появления с так называемой "сирако — аорсской" /вернее ее было бы назвать римско — боспорской/ войной 49 г.н.э..

ЛИТЕРАТУРА

1. Апакидзе А.М. и др. Раскопки в Мцхете и ее окрестностях // ПАИ за 1984-1985 гг., Тбилиси: Мицниереба, 1987, С.47-51.
2. Беспалый Е.И. Курганы I в.н.э. у г.Азова // СА, 1985, 4, С.163-172.
3. Веселовский Н.И. Курганы Кубанской области в эпоху римского владычества на Северном Кавказе // Тр.ХII АС в Харькове, Т.1, Харьков, 1905, 0.341-373.
4. Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения Зубовско Воздвиженского типа из раскопок Н.И.Веселовского в Прикубанье /I в.до н.э. -начало II в. н.э./ Тр.ГИМ, 1989, Вып.70, С.71-141.
- 4а. Бдачовский А.М. История племен Среднего Прикубанья во II в.до н.э. - III в.н.э. /по материалам курганных погребений/: Автореф. канд. дис. /МГУ. -М., 1985.
- 5а. Максимова М.И. Артюховский Курганы. Л.:Искусство, 1979.
5. ОАК за 1901 г., СПб., 1902.
6. ОАК за 1902 г., СПб., 1903.
7. ОАК за 1905 г., СПб., 1908.
8. ОАК. за 1906 г., СПб., 1909.
9. ОАК за 1908 г., СПб., 1912.
10. Раев Б.А. Новое погребение с римским импортом в Нижнем Подонье // СА, 1979, М, С. 201-211.
11. Тацит Корнелий. Анналы // Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах. Пер.Бобовича А.С., Кнабе Г. С., Т II, Л.: Наука, 1969.
12. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М. 'Наука, 1971.
13. Eggers H.J. Der romische import im freien Germanien. Hamburg, 1953, Т. I-II.
14. Eggers H.J. Zur absoluten Chronologie der Romischen Kaiserzeit im freien Germanien/ / Jrab. RGZM, 2, 1955, \$. 196-244.
15. Glodariu J. Dacian trade with the Hellenistic and Roman world// BAR, Sup. ser, 8, 1976.
16. Oliver A. Silver for the gods: 800 years of Greek and Roman silver. Catalogue by Andrew Oliver, Jr., The Toledo Museum of Art, Toledo, Ohio, 1977.
17. Raev B.A. Die Bronzegefasse der Romischen Kaiserzeit in Thrakien und Mosien// BRGK, 58, 1977, \$. 602-642.
18. Raev B.A. Roman import in the Lower Don basin// BAR, Int. ser., 278, 1986.
19. Schukin M.B. Rome and the Brabarians in Central and Eastern Europe. 1-st Cent. A.P./BAR, Int. ser., 542, 1986, Т. II.
20. Wolagiewicz R. Napliw importow rzymskich do Evropy na potnoc od srodkowego Dunaju//AP, t. XV, z. 1, Wroclaw-Warsawa-Krakow, 1970, \$. 207-247.

Зеленский Ю.В.

Половцы в Прикубанье и Закубанье.

В середине XI в. в очередной раз изменилась обстановка в южнорусских степях. На смену печенегам и торкам пришли кипчаки и куманы, или как их называли русские летописцы, половцы. В конце XI в. половцы проникают в Восточное Приазовье. Видимо те половцы, которых Олег Святославич привел из Тмудорокани, как писали летописцы, кочевали в приазовских степях в низовьях рек Понура и Кирпили. Именно здесь археологами найдены половецкие погребения начала XII в. (1, с. 49). Спорным остается вопрос об отождествлении тюрок и половцев упомянутых в отрывке грузинского историка Джуаншера..." В последующее время печенеги и джиги (зихи) во множестве бежали от тюрок и ушли печенеги на запад" (2, с. 39). Дело в том, что грузинские историки весьма вольно обращались с хронологией, а Джуаншер описывал события VI в.

Достоверно появление половцев в Прикубанье и Закубанье можно датировать началом XII в. Царь Грузии Давид Строитель нуждаясь в наемниках лично отправился в северокавказские земли и пригласил кочевавших здесь половцев к себе на службу. Если верить грузинским летописцам, в Грузию переселились 40 тысяч воинов вместе с семьями и еще 5 тысяч составили придворную стражу грузинских царей (3) возглавил половцев Отрак. Но такое количество степняков да еще со стадами не могло разместиться в гористой Грузии и скорее всего половцы (если их действительно было 40 тысяч) кочевали в Предкавказье. В середине XII в. арабский географ Абу Абдаллах Мухаммад ал — Идриси среди других стран упоминает Черную и Белую Куманию. Белую он помещает у подножия гор (Кавказских?), а Черную отождествляет с Матлукой (Тмудороканью) (4, с. 211). Правда отечественные историки не согласны с такой локализацией, но и Б.А. Рыбаков и С.А. Плетнева считают, что Тмудорокань входила в состав Черной Кумании (5, 6). В конце XII в. хан Кончак попытался объединить под своей властью половцев. Возможно это ему удалось и в состав возглавляемого им объединения входили предкавказские половцы так как они участвовали в разгроме дружины князя Игоря Святославича во время его неудачного похода (7, с. 77).

Почти все погребения половцев в предкавказских степях впущены в курганы эпохи бронзы. Основные погребения зафиксированы Н.И. Ве —

селовским во время его раскопок в Прикубанье в начале XX в. (правда Н.И. Веселовский мог "не заметить" погребений эпохи бронзы. Основные погребения половцев были также в курганах близ ст. Гривенской (1, с. 49). Почти все захоронения мужские. Пока достоверно отмечено одно женское погребение (8, с. 154 — 156). Погребенные лежат вытянуто на спине. Ориентировка различная с преобладанием восточной. Иногда погребенного сопровождал конский костяк.

Основной категорией инвентаря являются предметы упряжи (стремена, удила, подпружные пряжки), в двух погребениях найдены шпоры, что является большой редкостью для кочевников (9, с. 104) и оружие. Половецкая конница делилась на легковооруженную и тяжеловооруженную. Основным оружием тяжеловооруженных воинов была сабля, легковооруженных лук и стрелы. Сабли длинные изогнутые. Луки составные деревянные луки укреплялись костяными накладками. Наконечники стрел черешковые: листовидные, ромбовидные и срезни. Хранились стрелы в берестяных и кожаных колчанах. Копья в погребениях встречены очень редко. Половецкий доспех состоял из кольчуги и шлема. Кольчуга плелась из круглых в сечении колец. Шлемы конической, сфероконической и сферической формы. В одном из погребений (ст. Дмитриевская 1982 год. к. 1 п. 2 раскопки А.С. Скрипкина) были найдены две бронзовые с позолотой бляхи (10, с. 11). Такие бляхи изображены почти на всех мужских каменных изваяниях (11). Но в погребениях их долгое время не находили. В этом же захоронении были найдены наручи (налокотники) и наколенники. Это тоже довольно редкая находка для поздnekочевнических погребений.

Из украшений в погребениях встречаются стеклянные и сердоликовые бусы, лазуритовые подвески, серебряные серьги и гривны, распрямленные серебряные гривны выполняющие роль жезлов — символов власти. Из бытовых предметов чаще всего встречаются ножи и кресала. Лепная посуда почти не встречается лишь в двух погребениях встречены кружальные красноглиняные кувшины, которые кочевники покупали или обменивали у адыгов или алан. Выделяются несколько богатых могил в которых найдены бронзовые котлы, серебряные гривны и распрямленные гривны, остатки кафтанов из византийского шелка, серебряные чаши византийской работы (1, с. 49).

Появившись в Предкавказье половцы сначала враждовали с оседлым населением — адыгами и аланами затем начали торговать с ними. От алан и адыгов к половцам поступала кружальная керамика, сабли. К сожалению не прослеживаются торговые связи кочевников с русским населением Тмутарокани. Грузинские цари активно использовали половцев как наемников для войны с турками — сельджуками и подавления мятежей феодалов.

Судя по местам погребений и находкам каменных изваяний можно выделить четыре района концентрации половцев в Прикубанье и Закуба —

ные. Это Восточное Приазовье (низовья рек Понура и Кирпили), центральный степной район (правый и левый берега рек Бейсуг, Челбас, Ея, Сосыка), Восточное Закубанье (район Армавира – Новокубанска) и верховья Кубани (территория Ставропольского края) (12). Спорным остается вопрос о пребывании половцев на Тамани. По крайней мере здесь не открыто половецких погребений, не поступало отсюда и каменных изваяний.

В начале XIII в. (1222 – 1223 гг.) в Предкавказье появляются монголы. Два тумена (20 000 воинов) под предводительством лучших полководцев Чингис – хана Джебе и Субэдея были отправлены в очередной поход ранее считавшийся разведывательным рейдом. Первое столкновение с объединенным войском половцев и алан не принесло

ни монголам ни их противникам перевеса. Тогда монголы хитростью внесли раскол в ряды вчерашних соперников. Половцы оставили алан после чего они были разбиты поодиночке. После этого часть половцев влилась в ряды новых пришельцев часть откочевала в труднодоступные районы на побережье Черного моря (район Новороссийска и Анапы) (13, с. 112).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гей А.Н., Каменецкий И.С. Северокавказская экспедиция в 1979 - 1983 гг. / КСИАН 188, М., 1986.
2. Анчабадзе З.В. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI - XIV вв. // Материалы сессии по происхождению балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960
3. Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 22. Тифлис, 1897
4. Бейлис В.М. Ал - Идриси (XII в.) о Восточном Причерноморье и юго - восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР Материалы и исследования 1982 год. М., 1984
5. Рыбаков Б.А. Русские земли на карте Идриси 1154 // КСИМК Вып. 43. М., 1952.
6. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА 62 1958
7. Рыбаков Б.А. Петр Бориславич: Поиски автора Слова о полку Игореве. М., 1991
8. Пьянков А.В., Хачатурова Е.А. Погребение половчанки из степного Прикубанья // Историко - археологический альманах. Вып.1 Армавир - Москва, 1995
9. Средневековые Северо - Западного Кавказа. Тмутараканское княжество // Очерки истории Кубани. Краснодар, 1996
10. Зеленский Ю.В. Защитный доспех из погребения кочевника начала XIII в. / Кубань в истории России. Ч. 1 Археология и краеведение Кубани. Тезисы докладов V краевой межвузовской аспирантско - студенческой конференции. Краснодар, 1996

11. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е - 4 2. М., 1974
12. Зеленский Ю.В. Картографирование половецких кочевий Прикубанья и Закубанья с помощью археологических источников // В печати
13. Армарчук Е.А., Малышев А.А. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко - археологический альманах Вып. 3 Армавир - Москва, 1997

Цокур И.В.

Комплекс материалов XIV-XV вв. Медногорского городища

В 1980 г. жителем пос. Курджиново Урупского района Карачаево – Черкесской республики А. Ворожцовым был передан комплекс предметов, собранных на территории пос. Медногорск. Тогда же нами было осмотрено место, откуда происходили указанные предметы. К сожалению, интенсивное строительство дачного поселка местными жителями не позволили детально обследовать место находки. Так как городище не подвергалось археологическим раскопкам данный комплекс дает возможность для характеристики указанного памятника. Комплекс был собран с площади городища около 4 кв. м. Визуально городище представляет собой хорошо укрепленный рвами и каменными стенами памятник, сильно поврежденный застройками. Городище расположено в небольшой долине на правом берегу р. Сероштанка, впадающей с правой стороны в р. Уруп. Оно начинается сразу же за оврагом от окраины пос. Медногорск. Площадь городища составляет около 3–4 га. С южной стороны к городищу примыкает могильник, состоящий из небольших курганов с каменными насыпями диаметром 3–5 м и высотой до 0,5 м. Комплекс состоит из предметов вооружения, орудий труда и бытовых вещей. Предметы вооружения представлены наконечниками стрел (52 экз.) и пик (2 экз.). Наконечники стрел подразделяются на 8 типов:

Тип 1: Ланцетовидные наконечники стрел с резко опущенными плечиками. Перо в сечении ромбической формы, черешок – квадратной формы. Длина 66 мм (2 экз. рис. 1,1).

Тип 2: Асимметрично – ромбические наконечники стрел, перо в сечении ромбической формы, черешок четырехгранный. Длина 58 мм (1 экз. рис. 1,2).

Тип 3: Асимметрично — ромбические наконечники стрел, с уплощенной нижней частью пера, переходящей в порожек. Черешок в сечении круглой или четырехгранной формы. Длина 72 — 120 мм (5 экз. рис. 1,3,15,17,20,43).

Тип 4: Асимметрично — ромбические наконечники стрел, с уплощенным пером, черешок в сечении четырехгранной резе круглой формы. Длина 85 — 132 мм (20 экз. рис. 1,4 — 12,22,23,27,31,33,34,36,37).

Тип 5: Ланцетовидные наконечники стрел с ромбической формой в сечении пера, черешок в сечении четырехгранной резе круглой формы. Длина 112 — 116 (7 экз. рис. 1,13,26).

Тип 6: Асимметрично — ромбические наконечники стрел вытянутых пропорций, перо в сечении имеет ромбическую или линзовидную форму, черешок — квадратную или круглую форму. Длина 110 мм (2 экз. рис. 1,14,21).

Тип 7: Ланцетовидные наконечники стрел вытянутых пропорций с уплощенным пером, черешок в сечении имеет круглую или квадратную форму. Длина 86 — 116 мм (12 экз. рис. 1,16,18,24,25,28 — 30,32,35,41,42).

Тип 8: Ромбовидные наконечники стрел с широким пером, которое в сечении имеет линзовидную форму, а черешок — круглую или квадратную форму. Длина 100 — 110 мм (3 экз. рис. 1, 38 — 40).

Наконечники пик представлены двумя экземплярами. Это трехгранные с глубокими каналами на гранях, выходящих на втулку, девятигранную. У основания пера одной из пик имеется циркульный орнамент. Длина пик 29 — 32,4 см (рис. 2,4,5).

К оружию можно отнести и топор с длинным лезвием, направленным к рукояти. Втулка прямоугольная, клинок топора — тонкий (рис. 2,15).

Бытовые предметы и орудия труда представлены топором (рис. 2,13), ножом (рис. 2,2), половинкой ножниц (рис. 2,1), замком (рис. 2,12), железным штырем с кольцом (рис. 2,3), тавром (рис. 2,9), фрагментами рогов оленей (рис. 2,10) и фрагментами различных железных предметов (рис. 2,6,8,11,14). Среди указанных находок выделяется железное тавро (рис. 2,9) для клеймения животных. Находки таких вещей на городищах крайне редки и имеют немаловажное значение при этническом определении исследуемого памятника. В литературе неоднократно указывалось на широкое бытование у кавказских народов различных родовых тамг (1, таб. 1, с. 503). Тамга на указанном тавро близка по форме родовому символу принадлежавшему кабардинцам рода Шируховых (1, с. 140, таб. 1,500; 2, с. 135,149,1053). Это свидетельствует адыгской (кабардинской) принадлежности тавра, найденного на медногорском городище.

Среди находок были найдены фрагменты коричнево — глиняных сосудов (рис. 3,1,2,4,6,8) и три пряслица (рис. 3,5,7). Два пряслица (рис. 3,3,5) изготовлены из стенок керамических сосудов, одно из мелкозернистого песчаника (рис. 3,7). Представленный материал с медногорского городища выразителен и позволяет хорошо его датировать. В первую очередь, следует отметить наконечники стрел. Аналогичные типы стрел были достаточно

широко распространены на Северо – Западном Кавказе в XII – XV вв. (3, с. 167, таб. 2; 4, таб. 27,82,41,34; 5, рис. 53; 6, рис. 10). К XIII – XV вв. относятся трехгранные наконечники пик. Аналогичные наконечники пик были найдены в 1980 г. на средневековом могильнике близ ст. Старокорсунской п. 24. Данной датировке не противоречит фрагмент складных ножниц для стрижки овец. Данный тип ножниц был найден на р. Татарке в окрестностях пос. Круглый в Урупском районе и в материалах курганного могильника XIII – XV вв. в с. Андрюковской. Железные топоры (рис. 2,5) по классификации Х.М. Мамаева относятся ко второму типу варианта А и датируются XIV – XV вв. (7, с. 73). Наиболее яркие вещи датируют городище XIII – XV вв. Наличие железного топора (рис. 2,15), который датируется XIV – XV в. (7, с.73), позволяет сузить дату бытования медногорского городища и предварительно определить ее XIV – XV вв. Этому не противоречит и топография городища. В Урупско – Лабинском бассейне после татаро – монгольского нашествия жизнь на высокогорных городищах полностью прекращается и население переселяется в долины рек, где в XIV в. возникает ряд новых городищ с мощными укреплениями. Наряду с медногорским городищем возникли городища Ахмет – Кая, Второе Каменистое на р. Б.Лабе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.
2. Яхтанигов Х.Я. Северокавказские тамги. Нальчик, 1973.
3. Тарабанов В.А. Средневековые погребения Ленинохабльского могильника (по раскопкам 1975 г.)//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984.
4. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971.
5. Анфимов Н.В. Археологические памятники нижнего течения рек Марта, Пчаса и Псекупса//Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. 3. Майкоп, 1972.
6. Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов//Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
7. Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю. О назначении железных позднесредневековых топоров из Чечни//Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.

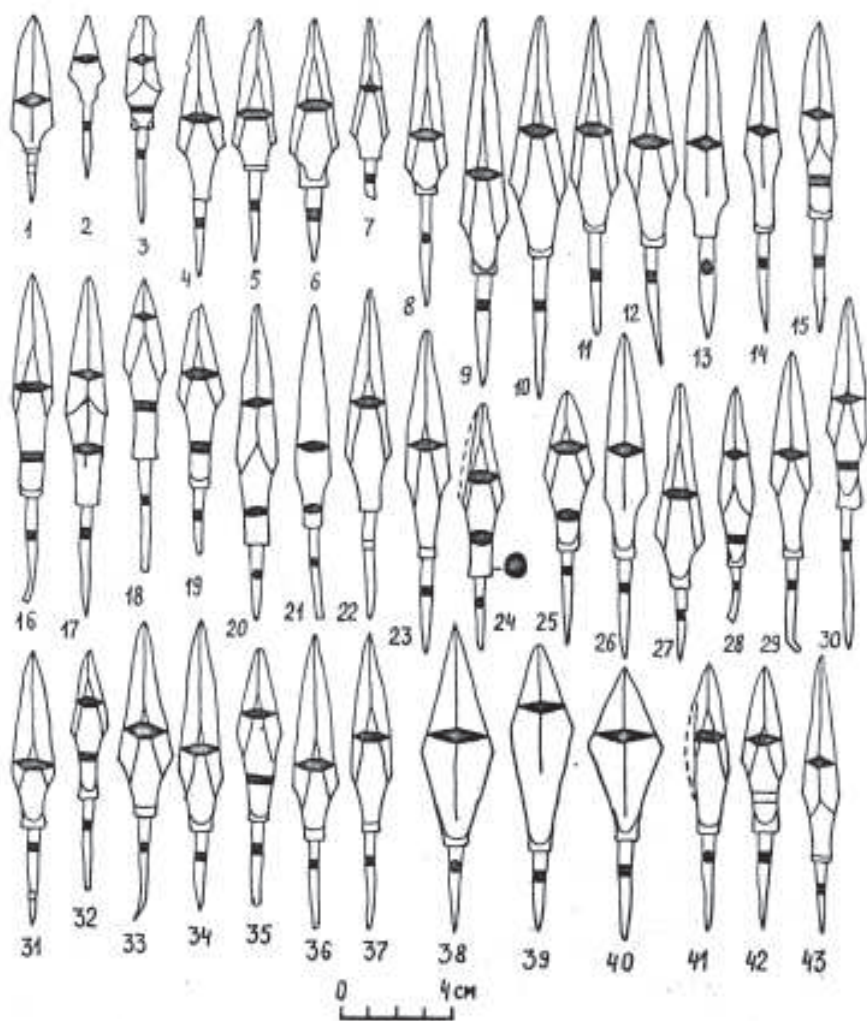

Рис. 1. К статье Цокур И.В. Комплекс материалов XIV-XV вв.
Медногорского городища

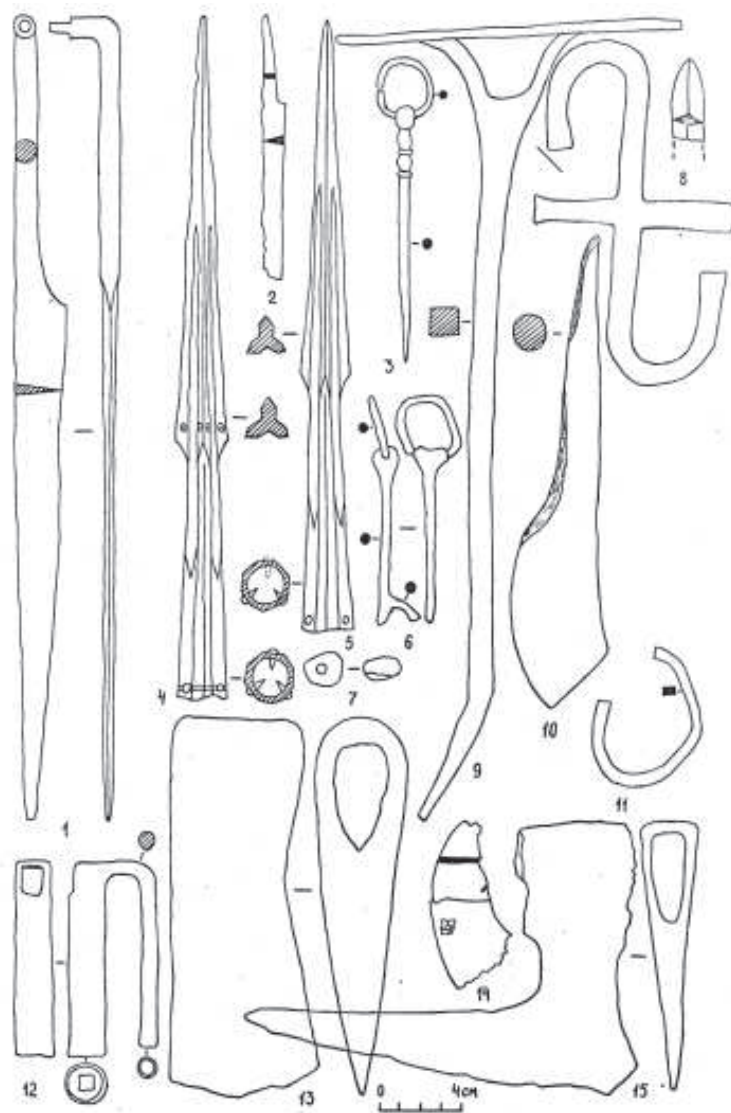

Рис. 2. К статье Цокур И.В. Комплекс материалов XIV-XV вв.
Медногорского городища

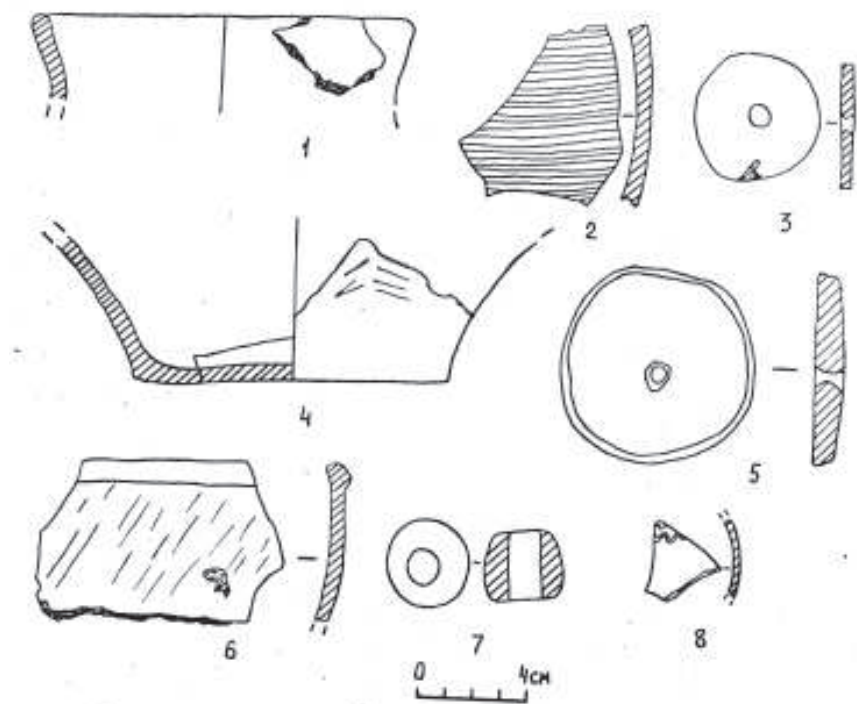

Рис. 3. К статье Цокур И.В. Комплекс материалов XIV-XV вв.
Медногорского городища

Социальные отношения адыгов в X-XV вв.

Общественный строй адыгов в эпоху позднего средневековья /XIII – XVI вв./ рассматривается обычно как низшая стадия феодального развития, (1, с. 86, 93) сквозь и рядом пронизанные остатками первобытнообщинного строя. Даже о периоде, предшествовавшем русско – кавказской войне XIX в., большая часть историко – этнографической литературы говорит о Кавказе в общем и об Адыгее в частности "как о классической стране родового строя". (2, с. 241) Но наличие архаических черт в социальных отношениях адыгов еще не говорят о том, что феодальные отношения оставались неизменными и в XVI в. С таким же успехом можно говорить, что они оставались такими же и в XIX в., так как по существу феодализм представляется в этот период точно таким же, каким он был во времена Георгия Интериано, то есть как и в XV в.

К XIX в. большая часть адыгов /племена шапсугов, абадзехов и натухайцев/ в какой – то степени освободилась от зависимости своих феодалов. Слабые феодальные отношения у этих племен позволяли некоторым авторам XIX и XX столетий говорить об этих племенах как о самых низкоразвитых, а "аристократические", такие, как темиргоевцы и бжедуги, выделять как более развитых (1, с. 215) Хотя общеизвестно, что именно так называемые "демократические" племена /особенно приморские шапсуги/ в своем экономическом развитии стояли гораздо выше других адыгских племен. Экономическое усиление этих племен позволило им к XIX в. даже расширить свои территории за счет ослабевших "княжеских владений". Шапсуги, натухайцы и абадзехи включили в значительной мере территории, принадлежавшие прежде "аристократическим" племенам – жанеевцам, тем же бжедугам и темиргоевцам. (2, с. 46) Власть феодалов у "демократических" племен была ограничена в результате народных движений. Но остатки феодализма, как и пережитки родового строя, были еще очень сильны. (2, с. 129) Хотя феодалы потеряли значительную часть своих привилегий, но продолжали сохранять преобладания в имущественном отношении. У этих племен сохранялось и крепостное право, хотя положение крепостных /пшителей/ было несколько лучше, чем в "аристократических" племенах /бжедуги, бесленеевцы, темиргоевцы, натухаевцы, мамхегоевцы, егерухаевцы, жанеевцы, адамиевцы и кабардинцы/. Но тфекотли /свободные крестьяне/ у шапсугов, абадзехов и натухайцев были уравнены в правах с феодалами. (1, с. 204) Это дало значительный толчок для развития экономики /особенно торговли/. Многие тфекотли были даже богаче феодалов. Английский агент Белль /XIX/ приводит случай, когда богатый тфекотль /токав/ женился на дочери князя, (3, с. 505) что по понятиям адыгских феодалов было вообще недопустимо. По свидетельству д. Асколи /1634 г./, "благородный черкес родился не иначе как с благородным, равным себе лицом". (3, с. 65) Скорее

всего общественный строй этих племен надо рассматривать в XIX в. не как первобытнообщинный, а как феодальный и даже более развитой, чем в некоторых других племенах феодальные отношения у адыгов начали складываться еще в период раннего средневековья. О наличии племенной знати в это время мы можем судить, исходя из письменных источников. Археологический материал раннесредневековых адыгских погребений не дает достаточно четкой дифференциации адыгского общества на бедных и богатых, хотя и имеется ряд погребений X–XII вв., которые имеют более богатый инвентарь. Но слишком резкого отличия этих погребений от остальной массы мы не видим. Своего рода "обеднение" могил Л.И. Лавров объясняет тем, что материальные ценности, став товаром, перестали быть неотчуждаемым имуществом их владельцев, и после смерти последнего уже не погребались вместе с ним, а переходили в руки наследников. (4, с. 31) Можно также предположить, что у адыгов ограничился набор вещей, положенных в могилу /например, в этот период, т.е. с X в., совершенно перестали класть мясную пищу/.

В X в., по сообщению Масуди, адыги не имели общего царя. Здесь подразумевается "царя всех адыгских племен". Но лица, возглавляющие отдельные племена, уже существовали. Так, армянский историк сообщает о походе адыгского царя Бера в 957 г. на г. Карс. (4, с. 43) Возможно, что этот поход, а скорее — набег, возглавлялся феодализирующимся племенным вождем. Он был предпринят с целью грабежа, что вообще характерно для народов, не порвавших с "военной демократией". Следует заметить, что пережитки "военной демократии" оставались у горских народов и в XIX в. Адыги в X в. были разобщены, между племенами не было согласия. Всех адыгов, живущих на прибрежной полосе /Азовское и Черное моря/ в исторической литературе обычно называют зихами. На основании этого сложилось мнение, что это был пламенный союз. (4, с. 35) Но почему же тогда зихи не имели "единого царя"? Скорее всего, слово "Зихия", "зихи" было собирательным названием территории и живущих на ней племен, имеющих общую культуру и говорящих на одном языке. Да и будь Зихия военно — племенным союзом, она не позволила бы аланам проникать через всю ее территорию вплоть до Таманского полуострова, и загонять жителей на острова дельты Кубани. (5, с. 21) Масуди же ясно говорит: "Известно, что если народы, говорящие их языком, сплотятся, то ни аланы, ни другой какой народ не будет в состоянии ничего предпринять против них". (6, с. 55) Возможно, что недолговечные союзы племен у адагов начали складываться уже и в это время, но об этом мы можем только предполагать. С большей уверенностью об адыгских племенных союзах мы можем говорить относительно к XX в. Военно — феодальная верхушка, по — видимому, уже определилась. Вот, что пишется в русской летописи под 1022 г.: "В то же время пребывавший в Тмутаракани Мстислав пошел на касогов. Услышав это, касожский князь Редедя выступил против него. И стали оба войска друг против друга. И обратился Редедя к Мстиславу: к чему из — за нас

гибнуть дружинам? Не лучше ли нам вступить в единоборство? Если ты одолеешь, то возьмешь имущество мое и жену мою и детей моих и землю мою. Если же я одолею, то твое все возьму." (7, с. 146 – 197) То есть перед нами не только военный вождь, собравший касогов на защиту своей независимости, но самый настоящий владетельный князь, обладающий какой – то земельной собственностью и добром, которое, по идее, не должно в чем – то особо уступать богатству Мстислава, князя Черниговского и Тмутараканского.

И совсем уже определенно мы можем говорить, что в XII – XV вв. феодализм, хотя и с пережитками родоплеменных отношений /которые, как говорилось выше, не исчезли у адыгов и в XIX в./, становится в своем развитии на более прочную основу. Но объединение адыгских племен было прервано установлением господства татаро – монголов, которые действовали по принципу "разделяй и властвуй". По свидетельству Рашидад – Дина в 1237 – 1238 гг. "Мангу – Каан и Кадан пошли походом на черкесов и зимою убили государя тамошнего по имени Тукара". (8, с. 503) С этого периода /с XIII – XIV вв./ инвентарь некоторых погребений начинает отличаться невиданным богатством. Так, в Убинском могильнике найдена сабля XIV – XV вв. с золотой насечкой, а курганы Белореченской культуры дали настоящие погребения адыгской знати. Здесь золотая и серебряная посуда, богатые, часто полностью из золота, наборные пояса, золотые пуговицы, привозные парчовые и шелковые ткани и другие предметы роскоши. Большое количество погребений этого времени совсем не имеют инвентаря. Классовое расслоение налицо. С одной стороны – знатные феодалы, с другой – зависимые крестьяне обедневшие, а зачастую просто неимущие соплеменники. О достаточно развитых в XV в. у адыгов феодальных отношениях мы можем судить, исходя из сообщений Г. Интериано, оставившего нам наиболее полное описание современной ему Адыгеи: "Есть среди них знатные, вассалы, сервы и рабы. Знатные в сильном почете и большую часть времени проводят на коне... Между знатными есть много таких, которые имеют вассалов и все живут независимо друг от друга, не признавая над собой никого, кроме господ Бога, и нет у них ни судей и никаких писанных законов: сила либо смекалка, либо третейский суд решают споры между ними". (3, с. 47 – 48) Таким образом, перед нами вырисовывается "феодальная лестница": знатные – это князья или близкие по социальному положению к ним дворяне /первостепенные дворяне XVIII – XIX вв./, (2, с. 156 – 195) вассалы – это низшее дворянство, получающие за военную службу у князя или у более знатного дворянина определенное вознаграждение /В XVIII – XIX вв. они известны под названием уорков и узденей/. Сервы – это зависимые в феодальном отношении крестьяне. И, наконец, самая низшая ступень – рабы. Одним из основных условий феодальной системы хозяйства "является личная зависимость крестьянина от помещика...Формы и степень этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноценностью

крестьянства". (9, с. 158 – 159) Интериано пишет, что адыгский феодал в своих владениях был полновластным хозяином. Он мог распоряжаться не только имуществом крестьянина, но и его жизнью. (2, с. 168) Как видно, к XV в. значительная часть крестьян уже находилась в крепостной зависимости и положение таких крестьян было не лучше /если, по Интериано, феодал мог лишать его жизни/, чем положение раба. Рабовладельцы, – говорил Ленин, – считали рабов своей собственностью, закон укреплял этот взгляд и рассматривал рабов, как вещь, целиком находящуюся в обладании рабов – владельцев. По отношению к крепостному крестьянину осталось классовое угнетение, зависимость, но крепостник – помещик не считался владельцем крестьянина, как вещи, а имел лишь право на его труд и на принуждение его к отбыванию известной повинности. На практике ... крепостное право, особенно в России, где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства". (10, с. 439) В XVIII – XIX вв. адыгские феодалы, особенно князья, настолько злоупотребляли своей властью, что притесняли не только крестьян, но даже и дворян /узденей/ – своих вассалов. (2, с. 168)

Рабы не играли значительной роли в хозяйстве адыгских феодалов. Как правило, они предназначались для продажи на рабовладельческих рынках, расположенных на Кавказском побережье Черного моря и в Крыму. Основным источником рабства у адыгов являлись пленные, обращенные в рабство во время непрекращающихся междоусобных войн и столкновений с соседними народами, а также соплеменники, проданные феодалом по каким – то причинам, а чаще всего просто без причины, как это делалось и в XIX в. (1, с. 204 – 208) Иногда же родители продавали в рабство своих детей. "Они злые люди, – писал об адыгах в XV в. Иоган Шильтбергер, – продающие язычникам собственных детей и тех, которых они крадут у других". (3, с. 38) Конечно, только нужда, лишняя раз доказывающая, насколько далеко зашло обнищание простого народа, могла толкнуть родителей на такой шаг. И ведь авторы тех времен об этом пишут не как о единичных случаях, а как о повсеместном явлении, охватившем большую часть адыгского населения.

Таким образом, процесс становления и развития феодализма у адыгов прошел довольно длительный период; феодальные отношения, зародившись еще в эпоху раннего Средневековья, развивались довольно медленно. И в XII – XV вв., как и в более поздний период, они переплетались с многочисленными родовыми пережитками.

Но как ни примитивен был адыгский феодализм и как ни медленно он развивался, существование и господство его уже в XVIII – XV столетиях не вызывает сомнения.

Происходившая в X – XV вв. поляризация адыгского общества привела к образованию антагонистических классов. Уже в это время сложился класс феодалов, зависимых крестьян и рабов.

Феодальные отношения к XV в., по – видимому, уже охватили все адыг –

ские племена, так, Интериано, описавший социальный строй современной ему Адыгеи, нигде не отмечает, что здесь существовала какая – либо группа племен, отличающаяся по уровню своего развития от остальной массы адыгов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерки истории Адыгеи, Майкоп. 1957.
2. В.К. Гарданов. Общественный строй адыгских народов. М., 1967.
3. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974.
4. Лавров Л.И. Адыги в раннем средневековье. Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1955.
5. Константин Багрянородный. Об управлении государством. Известия. Гос. академия истории материальной культуры. Вып.91. М., 1934.
6. Караулов Н.А. Указ. соч.
7. ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. изд. Л., 1986.
8. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб. 1884.
9. Ленин В.И. Соч. Т. 3, изд. IV. Л., 1941.
10. Ленин В.И. Соч. Изд. IV. Т. XX. Изд. IV. Л., 1950.

Фролов Б.Е.

Ракетные команды Черноморского казачьего войска.

История боевых ракет насчитывает уже не. одно столетие. В Европе достаточно широкое распространение они получили в XIX в. Создание, русской ракетной артиллерии связано с именем А.Д. Засядко. С 1815 г. он начал работать над созданием боевых пороховых ракет, сконструировал пусковые станки, в 1818 г. изобрел ракету разрывного действия, а в 1827 г. сформировал первую ракетную батарею /1, с. 415/. Войсковые испытания ракет проводились в частях Отдельного Кавказского корпуса, В 1825 г. его командир А. Ермолов донес об их успешном применении против, неприятельской конницы. Эффективные действия боевых ракет в годы русско – турецкой войны 1828 – 1829 гг. стали причиной их более широкого распространения в армии. Однако единственное в России петербургское "ракетное предприятие" не могло удовлетворить потребности войск. Только в 1845 – 1846 гг. в Отдельный Кавказский корпус поступила первая партия ракет в количестве около 1000 штук.

К концу 40 – х годов XIX в. относятся первые попытки внедрить ракетное оружие в Черноморское казачье войско. В 1848 г. во время посе –

щения г. Тамани начальником Главного Штаба генерал — адъютантом Ко — цебу, при конно — артиллерийской Черноморской казачьей бригаде был по — строен один ракетный станок, испытать который поручили командиру этой бригады подполковнику Войничу /2, л. 21/. Однако последний, "усмотрев", что станок не соответствует новому образцу, изобретенному начальником артиллерии Отдельного Кавказского корпуса генерал — майором Брюмером и полковником Костырко, заявил о невозможности проведения испытаний. Станок сдали в арсенал и о ракетах на несколько лет забыли.

Весной 1852 г. командующий войсками на Кавказской линии и в Чер — номории генерал Н.С. Завадовский посчитал весьма полезным сформиро — вать в Черноморском войска ракетные команды по примеру Кавказс — кого линейного. В мае месяце командир Кавказского корпуса дал. раз — решение на постройку ракетных станков и командировку воинских чинов для обучения казаков.

Создание казачьей ракетной батареи в составе одного конного и од — ного пешего дивизионов проходило при учебной команде сотника Шелеста. 2 сентября 1852 г. он рапортовал, что все урядники и казаки, назначенные в ракетную команду из полков и батальонов, прибыли /3, л. 75/. Непосредственно формированием дивизионов и обучением казаков за — нимался капитан Неверовский, присланный из 3 — й легкой батареи 19 — й артиллерийской бригады. В сентябре в Черноморию из Георгиевского ар — тиллерийского гарнизона доставили 250 обыкновенных боевых ракет и 50 картечных, а из Кавказского окружного арсенала 8 ракетных станков. Их изготовление обошлось Черноморскому войску в 114 руб. 75 коп. сереб — ром /2, л. 39/.

Что же представляли из себя ракеты того периода? /4, с.72/ Из листо — вого железа делалась цилиндрическая гильза, внутри которой выклады — вался специальный пороховой состав, приводивший ракету в движение. К одной стороне гильзы крепилась боевая часть — снаряд, подобный артил — лерийским, или же специальный. К другой стороне прикреплялся ракетный хвост /деревянный шест длиной в 2 метра/, служивший стабилизатором. Ракеты изготавливались калибром от 1,5 до 4 дюймов /по внешнему диаметру гильзы/. Для запуска ракеты употреблялись специальные станки.

В Черноморию передали станки двух видов: рикошетные /на трех ко — ротких железных ножках с двумя кольцами снизу/ и треножные /на "грех высоких деревянных ножках/. На складных треногах устанавливались ко — роткие спускные трубы или четырехугольные желоба, способные пово — рачиваться в горизонтальной и вертикальной плоскостях. Рикошетные станки с желобом поступили в конный дивизион, треножные /с трубами/ — в пеший.

В ноябре 1852 г. капитан Неверовский завершил подготовку казаков и 11 числа ракетная команда приняла боевое крещение во время движения отряда к Абинскому укреплению и обратно. Конноракетным дивизионом командовал хорунжий Ольховой, пешим — хорунжий Ганженко.

По штату /составил капитан Неверовский/ дивизион состоял из двух взводов, взвод из двух станков. Восемь станков команды обслуживало 40 казаков, в каждый дивизион полагалось по одному уряднику. Боекомплект на один станок состоял из 8 ракет /2, л. 231/

Действия ракетчиков получили высокую оценку. 16 ноября исправ — ливший должность наказного атамана Черноморского войска Я. Г. Кухаренко доложил начальнику артиллерии Кавказского корпуса следующее: "Капитан Неверовский искусно управлял действиями, наводил часто на черкес панический страх; люди и лошади, испуганные невиданным для них зрелищем, поражаемые на неожиданном расстоянии пулями и осколками гранат, рассыпались мгновенно в разные стороны и искали спасения в далеком бегстве; самые бесстрашные горцы, прежде спокойно разъезжающие перед картечным и ружейным огнем, завидя только появление ракетной команда, стремительно бежали от того места" /3, л. 88/.

Все же с тем боевые действия вскрыли и ряд недостатков. Высокие треножные станки оказались малоприспособленными для настильно — рикошетной стрельбы, эффективной на открытой местности. В то же время начальник артиллерии Кавказского корпуса признал неудобными и рикошетные станки с железным желобом на трех коротких ножках. Ими было трудно действовать на местности, покрытой кустарником, высокой травой, пересеченной; ракета слишком близко делала первый рикошет, нередко отклоняясь при этом в сторону.

Тем не менее Я.Г. Кухаренко, убедившись в пользе нового оружия "при образе здешней войны", ходатайствовал о сформировании еще пяти ракетных команд, с тем, чтобы в каждом из трех военных округов Черномории /Таманском, Екатеринодарском, Ейском/ было по одной конной и одной пешей команде /5, л. 1/.

Станки для них изготавливали в Черноморской Гарнизонной артиллерийской роте под наблюдением ее командира капитана Панфилова. Учитывая отмеченные недостатки, треножные станки для пеших команд сделали несколько меньшего размера с трубой 6 — фунтового калибра /2 дюйма в диаметре/. К 9 мая 1853 г. постройка станков была завершена, в июне их передали в команды.

Строевой состав дивизиона конно — ракетной команды устанавливался следующий: 1 обер — офицер, 2 урядника, 24 казака /по 5 человек на 4 рикошетных станка и по 1 человеку на станок в запас/. В дивизион пешей команды полагалось такое же число офицеров и урядников, а казаков — 32 человека /по 7 человек на 4 треножных станка и по 1 на станок в запас/. Боекомплект конного дивизиона состоял из 32 ракет, пешего — из 40 /2, л. 227/. Конные казаки имели все полагающееся им оружие, исключая пики, пешие казаки обходились без ружей и боевой амуниции.

Команды формировались по военным округам из состоящих на очереди службы батальонов и полков с таким расчетом, чтобы они имели два комплекта нижних чинов для попеременного пользования льготой. Команда

Таманского округа получила название номера 1-го команды первого комплекта, Екатеринодарского — номера 2-го, первого комплекта, Ейского — номера 3-го первого комплекта /6, л. 27/. 15 мая первый комплект был отпущен на льготу, а из призванных на службу казаков сформированы соответственно 1-я, 2-я и 3-я команда второго комплекта. 28 мая 1853 г. Атаман Я.Г. Кухаренко доложил о создании в Черноморском войске трех конных и трех пеших ракетных команд /3, л. 207/. Первая пешая команда находилась в Абинском укреплении, 1-я конная в Ново-Копыльском посту.

Ракетные команды всех трех округов обучал все тот же капитан Неверовский. Вместе с ними он участвовал в боях в составе Абинского и Закубанского отрядов. Наилучшие результаты ракеты показывали при стрельбе на дистанциях от 400 до 700 мет —

ров. Судя по отчетам, на вооружении черноморских казаков находились гранатные и картечные ракеты. Один из очевидцев так описывал действие ракетного оружия: "...Ракеты своим сильным шипением при полете пугали лошадей, которые как бешенные бросались по сторонам, а при разрыве чугунный головки ракеты осколками ее поражались всадники и лошади" /7, с. 273/

...Таким образом, к июню 1853 г. Черноморское казачье войско располагало 12 конными и пешими рвотными дивизионами, с 48 пусковыми станками. В трех конных командах первого комплекта числилось 3 обер-офицера, 6 урядников, 6 трубачей, 120 казаков /по 5 номеров на каждый спуск/, 24 запасных казака /по 1 на каждый спуск/. Состав пеших команд отличался числом строевых казаков — 168 человек. Второй комплект имел тоже количество нижних чинов, командовали им офицеры первого комплекта.

Однако просуществовали ракетные подразделения очень недолго. Не прошло и двух лет, как главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал — адъютант Муравьев, находя, что пешие ракетные команды не соответствуют своему назначению, приказал их упразднить. Штаб корпуса, рассылая соответствующие указания, мотивировал это решение еще и тем, что ракетное заведение в Петербурге затрудняется изготавливать боевые ракеты в потребном количестве, да и перевозка их на Кавказ влечет большие расходы. 25 июня 1855 г. Наказной атаман войска Донского

М.Г. Хомутов рапортовал военному министру об уничтожении пеших ракетных команд в Черноморском войске /8, л. IV. Некоторое время одна пешая команда сохранялась в 5-м пешем батальоне, находившимся Крыму в составе действующей армии.

Судьбу конно — ракетных команд пока проследить не удалось. Очевидно, они вскоре разделили участь пеших, так как уже в начале 60-х годов встречаются рапорты с просьбой о формировании ракетных взводов и команд для преследования, горцев /см. 9/

ЛИТЕРАТУРА

1. Советская военная энциклопедия. Т. 3. М., 1977.
2. ГАКК /Государственный архив Краснодарского края/, ф. 254, оп. 1, д. 583.
3. ГАКК. Ф. 254, оп. 1, д. 724.
4. Военный энциклопедический лексикон. Т. XI. СПб., 1856.
5. ГАКК. Ф. 318, оп. 2, д. 264.
6. ГАКК. С. 261, оп. 1, д. 1479.
7. Кубанский сборник. Т. X. Екатеринодар, 1903.
8. ГАКК. Ф. 254, оп. 1, Д.981.
9. ГАКК. Ф. 254, оп. 2, д. 232; Ф. 254, оп. 2, д. 61.

В. В. БОНДАРЬ

ТОЧКА ОТСЧЕТА ЕКАТЕРИНОДАРСКОЙ ИСТОРИИ

В структурной цепи исторического изучения любого поселения вопрос о его основании является отправной точкой и одним из ключевых звеньев исследования. Верное научное понимание факта — события, положившего начало поселению как природно — социальному феномену истории, помогает понять условия и исторический смысл не только его возникновения, но и дальнейшего существования.

Двухвековая биография Екатеринодара ставят перед историком — исследователем вопрос за вопросом, и в числе самых трудных — вопрос о времени основания города. Отсутствие в среде историков единого мнения о месяце и числе "дня рождения" Екатеринодара объясняется тем, что до сих пор не был проведен анализ набора фактов — событий, могущих служить "точкой отсчета" городской истории (отметим, что в отечественной исторической урбанистике проблема критериев определения времени основания городских поселений находится лишь в стадии постановки). Что касается года основания, то так же, как в прошлом и начале нынешнего столетия считали бесспорным факт основания города в 1794 — м году, так сейчас устоялось мнение о том, что городскую историю нужно вести с 1793 — го.

Но вот Городская Дума Краснодара, а вслед за ней и кандидат исторических наук В.Н.Черников снова пытаются "сделать" город на год "моложе": после непродолжительных дебатов в феврале 1996 года(1) Дума приняла решение о внесении в проект Устава города Краснодара(2) статьи о дате его основания со следующей формулировкой: "Город Краснодар (Екатеринодар), основанный казаками 14 января 1794 года для защиты южных рубежей России, является административно — политическим центром, сто —

лицей Краснодарского края...", а В.Н.Черников, в ответ на критическую статью историка — краеведа В.А.Кадана в адрес Городской Думы(3), опубликовал статью "Следует ли Думе Краснодара отменять свое решение?"(4), в которой утверждает, что город был основан именно в 1794 году. Помимо этого утверждения, обосновывается мнение о том, что Екатеринодар до 1867 года, т.е. до введения в нем гражданского управления, вообще не был городом (здесь В.Н.Черников частично воспроизвел положения своей статьи трехгодичной давности)(5). Очевидно, что проблема требует разрешения.

Приступая к написанию настоящей статьи, автор ставил перед собой две задачи: обосновать точку зрения о существовании Екатеринодара уже летом — осенью 1793 года и попытаться решить вопрос о точной дате основания города (что касается показа ошибочности суждений о якобы "не городском" характере екатеринодарской истории до 1867 года, то эта тема — для отдельной статьи).

В ходе решения поставленных задач мы будем отталкиваться от основных положений, выдвинутых оппонентами и представляющих нам спорными, — такой подход наиболее логичен и корректен.

Итак, Городская Дума считает годом основания Екатеринодара 1794 — й — по времени принятия "Порядка общей пользы" — первой кубанской конс — титуции, датированной 1 — м января (нетрудно догадаться, что 14 января в Уставе города — это перевод даты в новый стиль летоисчисления, хотя Дума допустила здесь ошибку: в XVIII веке разница между календарями составляла 11 — ть, а не 13 — ть суток, поэтому правильнее было бы указать 12 января). Бесспорно, документ достаточно красноречив: "...При реке Кубани, в Карасунском куте воздвигнуть град и для вечного достопамят — ства нынешней жизнедеятельницы и благотельницы нашей Всемилости — вейшей Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны именовать его Екатеринодар"(6). В.Н.Черников считает, что принятие "Порядка..." — первого законодательного акта (источника более достоверного, по мнению В.Н.Черникова, чем другие), в котором идёт речь об основании города, и следует считать фактом основания, подтверждая такое суждение мнениями Ф. А. Щербины, А. В. Фадеева и Л.В.Куприяновой (по словам В.Н.Черникова, "специалистов самой высокой квалификации"). Но всегда ли именно законодательный акт может служить отправной точкой в истории поселения? Очевидно, что ответ отрицательный. Примеров несовпадения законодательного акта с фактическим временем возникновения города — множество. Так, Высочайший указ об основании города Новочеркасска последовал 31 декабря 1804 года, а само поселение появилось позже; имевший значение крупного экономического центра еще с 70 — х гг. XIX века Армавир получил официальный статус города лишь в 1914 году. Ряд подобных примеров можно продолжить.

Что касается Екатеринодара, то Высочайшего повеления о его основании не было потому, что фактически Жалованной Грамотой Екатерины Великой от 30 июня 1792 года Черноморскому войску "присваивалось

— по выражению Управляющего министерством юстиции в разъяснительной записке министерству внутренних дел, составленной через столетие после водворения казаков на Кубани, — значение самостоятельного субъекта поземельной собственности"(7), и поскольку в Грамоте о постройке города ничего сказано не было, постольку вопрос этот становился внутренним делом войска. При таких условиях "Порядок общей пользы" становится единственным правовым документом, в котором идёт речь об основании Екатеринодара. Но соответствует ли дата — 1 января 1794 г., — фактическому времени возникновения поселения? Скорее всего, эта дата — лишь формальная хронологическая привязка, как и 18 сентября 1794 г. — начало межевания города по плану, утвержденному Таврическим губернатором, которому Черноморское войско было подчинено по гражданской части. И, по — видимому, от одного из этих событий отталкивался И.Д.Черник, помещая 1794 год на проект герба Екатеринодара, утвержденный в 1849 году.

А вот свидетельств фактического существования поселения летом — осенью 1793 года предостаточно: в сентябре на берегу Карасуна уже строились "покои для войскового правительства", 20 октября был избран гор — родничий (т.е. глава административно — полицейской власти в городе), для которого ордером кошевого атамана от 19 ноября были определены обязанности, среди которых — разделение города на кварталы и контроль за отводом мест для строительства по плану (возможно, по этому плану проводилось официальное межевание города год спустя)(8). и т.д. Итак, существование города в 1793 году не подлежит сомнению. Что же касается апелляции В.И.Черникова к высказываниям Ф.А.Щербины, А.В.Фадеева и Л. В. Куприяновой, то необходимо отметить следующее: ни Щербина, ни Фадеев никогда историей городов вообще и Екатеринодара в частности не занимались, а Л.В. Куприянова, специализируясь по истории городов Северного Кавказа второй половины XIX столетия, об основании Екатеринодара обмолвилась в своей монографии одной лишь фразой: "В 1794 г. переселившимися на Кубань черноморскими казаками в Карасунском куту была основана крепость Екатеринодар"(9) (допустив тем самым ошибочное толкование характера возникшего поселения, ибо собственно крепость была построена позже возникновения поселения и вне его черты)(10). Гораздо логичнее и убедительнее выглядело бы обращение В.Н.Черникова к работам отечественных историков — урбанистов И.М.Гревса, Н.П.Анциферова, П.Г.Рындзюнского, Е.Я.Водарского, В.М.Кабузана, Б.Н.Миронова.

В исторической урбанистике (западной и отчасти отечественной) обычно выделяют несколько критериев определения времени основания городских поселений. Точная дата возникновения города может быть определена, на наш взгляд, из следующего набора исторических фактов: прямых — официальная закладка, появление постоянного населения, указ о переводе сельского поселения в статус городского (в нашем конкретном случае этот критерий отпадает), и косвенных, условных — указ об основании, первое документальное свидетельство о существовании поселения в конкретном

постоянном месте, первое употребление топонима (урбанонима). Поскольку данными об официальной закладке Екатеринодара мы не располагаем, указа о его основании не существовало, а документальные свидетельства о существовании города в 1793 году не определяют точной даты, постольку дату основания можно определить либо по факту первого по времени появления в источниках урбанонима "Ека – теринодар", либо по первому свидетельству о появлении поселения с присущими ему городскими функциями. Безусловно, традиция вести историю города от первого употребления его имени в источниках вполне оправдана (особенно для городов, история которых уходит в глубь веков), и вполне могла бы быть применена к Екатеринодару (первое известное употребление урбанонима "Екатеринодар" – 29 октября 1793 г.(11)), но этот критерий – косвенный, так как урбаноним обычно закрепляется за уже существующим поселением (классический пример: датой основания Санкт – Петербурга справедливо считается 16 (27) мая 1703 года, когда началось строительство крепости Санкт – Питер – Бурх, позже названной Петропавловской, а строящийся город до начала 1704 г. в документах называли то Петрополем, то Питерполом, пока за ним не закрепилось название Санкт – Питер – Бурх)(12), и может быть принят только при отсутствии прямого свидетельства о возникновении города. На наш взгляд, историки таким свидетельством в отношении Екатеринодара располагают. Это рапорт Войскового правительству Таврическому губернатору С.С.Жегулину от 9 июня 1793 года (именно в этот день кошевой атаман З.А.Чепига с командой и войсковым правительством прибыл в Карасунский кут). Для вящей убедительности процитируем документ: "... Оного (Черноморского – В.Б.) войска старшины и казаки, по общему желанию усоветуя на Всемиловейше пожалованной от Ея Императорского Величества земле заводить свои воинские селения по – над рекой Кубаном, начиная от устья ея до Усть – Лабинской линии, между коими повыше Казачьего Ерика верст за пятьдесят и главный войсковой град, а в нём для нужного пристанища бездомовных и престарелых казаков и порядка войску сорок куреней по прежним их названиям, сего (войскового – В.Б.) правительства о позволении просят рассмотрены, а как в Высочайшей Ея Императорского Величества грамоте в 30 день июня прошлого 792 года Всемиловейше на землю войску пожалованной, о построении главного града и заведении селений не упомянуто, сие ж правительство быть по – над рекой Кубаном как вышеписанного града и селеньям ... находит за нужное, то о сем Вашему Превосходительству правительство под резолюцию представляя, покорнейше просит учинить милостивое рассмотрение. № 201. 1793 года июня 9. Лагерь при Кубане"(13). Очевидно, что именно 9 июня 1793 года было выбрано место для строительства "главного войскового града", ставшего военно – административным центром осваиваемого казаками края, и войсковому правительству требовалось лишь официальное подтверждение уже свершившегося факта.

С точки зрения наиболее приемлемой — функциональной типологии поселений, административная функция является почти исключительно городской, и Екатеринодар (возникший в екатерининскую эпоху, когда градообразовательные процессы сводились к формуле "город — это центр своего окружения", а административная функция города считалась приоритетной) уже с момента выбора места для строительства как нельзя лучше "вписывался" в общую структуру городских поселений Российской империи с тем лишь отличием, что он находился на Земле Черноморского войска и население его составляли казаки. В добавление к высказанным нами доводам в пользу 9 (20) июня 1793 года, как даты основания Екатеринодара, отметим, что именно с этого дня (по день сегодняшний) в городе наличествует постоянное население.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Городская Дума решает горячие вопросы // Краснодарские известия, 1996, 6 февраля: Город стал на год моложе? // Краснодарские известия, 1996, 9 февраля.
2. Принят 5 июля 1996 г. См. Краснодарские известия. 1996, 23 июля.
3. Жадан В. Так когда же основан Краснодар? // Вольная Кубань. 1996, 18 сентября.
4. Черников В. Следует "ли Думе Краснодара отменять свое решение? // Казачьи вести. 1996, 47. 7-15 декабря.
5. Черников В. Когда родился город Екатеринодар, или что же мы празднуем нынче? // Кубанский курьер. 1993, 30 июня.
6. ГАКК. Ф.249, оп.1, д.2830, л.1.
7. РГИА. Ф.1287, оп.40. Д.2257, л.66.
8. ГАКК. Ф.249, оп.1, д.208. л.203 об, д.210. л.5506. Д.239, л.87.
9. Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. М., 1981, С.29.
10. Бондарь В.В. К вопросу о типологии российских городов: Екатеринодар // Проблемы историографии и истории Кубани. Краснодар. 1994, С.87-88.
11. Шевченко Н.Г. Основание города Екатеринодара // Краснодару - 200 лет. Тезисы научно-практической конференции. Краснодар, 1993. С.7.
12. Основание Петербурга // Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград. Энциклопедический справочник. М., 1992, С.460.
13. Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т.3. Спб., 1896. С.626.

Содержание

Пьянков А.В., Хачатурова Е.А.	
Зеркала скифского времени с зооморфными украшениями из старых поступлений Краснодарского музея-заповедника	7
Хачатурова Е.А.	
Елизаветинские городище N 1: история исследования....	15
Берлизов Н.Е./КГИИК/	
О ДАТИРОВКЕ "ДЕНИСОВА КУРГАНА" /РАСКОПКИ Н.И.ВЕСЕЛОВСКОГО 1902 г./	20
Зеленский Ю.В.	
Половцы в Прикубанье и Закубанье.	24
Цокур И.В.	
Комплекс материалов XIV-XV вв. Медногорского городища	27
Тарабанов В.А.	
Социальные отношения адыгов в X-XV вв.	33
Фролов Б.Е.	
Ракетные команды Черноморского казачьего войска....	37
В. В. Бондарь	
ТОЧКА ОТСЧЕТА ЕКАТЕРИНОДАРСКОЙ ИСТОРИИ.....	41
Список сокращений	47

Список сокращений

АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа.

ВДИ - Вестник древней истории.

ГАКК - Государственный архив Краснодарского края.

КСИА - Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.

КГПИ - Краснодарский государственный педагогический институт

МИА - Материалы и исследования по археологии СССР.

МАК - Материалы по археологии Кавказа.

ОАК - Отчеты Археологической комиссии.

ПАИ - Полевые археологические исследования в Грузии.

РА - Российская археология.

СА - Советская археология.

САИ - Свод археологических источников.

СЭ - Советская этнография.

Тр.АС - Труды археологического съезда.

Тр.ГИМ - Труды Государственного исторического музея.

AP - Archeotogia Potski.

BAR - British archeological records.

BRGK - Bericht der Romisch - Germanischen Kommission.

Jrab.RGZM - Jahrbuch der Romisch-Germanischen Zentral-museum. Mainz.

Древности Кубани

Для служебного пользования
29.12.1997. 100 экз.